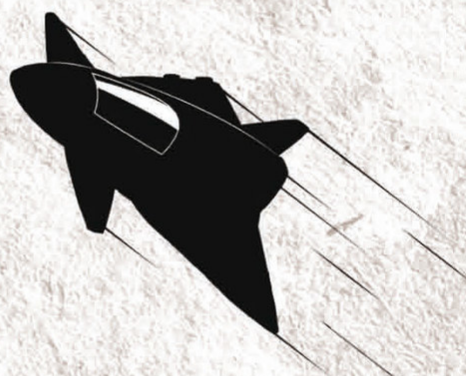


УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АЛЕКСЕЙ ЛЮТЫЙ

X-АССЕНИЗАТОРЫ

ЗАПРЕЩЕННЫЙ УГАР



БЕЗБАШЕННЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Х-ассенизаторы

Алексей Лютый
Запрещенный угар

«Научная книга»

Лютый А.

Запрещенный угар / А. Лютый — «Научная книга», — (Х-ассенизаторы)

Финальная битва международного спецназа Х-Ассенизаторов со злобными инопланетянами в глубинах Космоса. Мятеж на далекой планете, освобождение заложников-землян, взаимодействие с эксклюзивными моделями роботов – это только малая часть их захватывающих приключений в самом сердце тьмы!

Содержание

Пролог	5
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	21
* * *	24
* * *	27
* * *	29
Глава 3	34
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алексей Лютый

Запрещенный угар

Пролог

Земля. Год две тысячи ближайший...

Правда, неизвестно, к чему именно. Тихое европейское государство, входящее в состав Евросоюза. Его название официально упоминать запрещено, но всем известно, что вокруг горы. Но не Молдавия!.. Время честное. Самое что ни на есть европейское. Даже Гринвич от зависти кусает стрелки атомных часов.

Время, когда пришельцев боялись как огня, кануло в Лету. Теперь их лишь слегка опасались, но не больше, чем черт ладана. Привыкнуть к инопланетянам люди еще не успели, и поэтому во время их экскурсий на Землю часто случались казусы. Например, когда группа летунов решила самовольно покинуть зафрахтованный самолет и поближе рассмотреть Эмпайр-Стейт-Билдинг, местные полицейские открыли по ним огонь из табельного оружия, а служащие одной из контор, мимо окон которой инопланетяне пролетали, закидали их ластиками, мусорными корзинами и дыроколами. К счастью, во время этого инцидента жертв не было, а вот разрушений хватило. Окна, например, были выбиты на трех этажах. Но, как говорится, это дело житейское, были бы люди целы.

Ну а в общем и целом отношения между Землей и Трунаром, двумя еще недавно враждующими планетами, катастрофически быстро налаживались. Были установлены бесперебойная гиперпространственная связь и грузопассажирское сообщение. Хотя грузы в основном отправлялись с Земли, а пассажиры соответственно в противоположном направлении, но, поскольку взаимоотношения непрерывно совершенствовались, шансы человечества внести солидный вклад в туристический бизнес дружественной цивилизации непрерывно возрастали. Вот об этом в первую очередь и говорил руководитель Евросоюза Бернارد Еханссон российскому Президенту.

– Я не понимаю... Что?.. Правильно, вашей внешней политики, – в привычной ему немного корявой манере возмущался Еханссон. – Вы прямо-таки монополизировали все межпланетные отношения, хотя... Что?.. Именно! Наши страны также вложили в их развитие немалые материальные средства, моральные и научные вклады и прочие вливания, послужившие чему?..

– Я полностью поддерживаю... – вскочив с места и перебивая Еханссона, завопил Мао, по странному стечению обстоятельств возглавлявший Великую Азиатскую Республику. На секунду он задумался, кого именно собирается поддерживать, а потом обрадованно хлопнул себя по лбу: – ...Россию! Не должно быть никаких межпланетных отношений до тех пор, пока остаются несчастными, голодными, раздетыми и финансово не удовлетворенными двадцать миллионов честных китайцев...

– Господин Мао, вы опять? Сколько же можно талдычить об одном и том же? – устало поинтересовался российский Президент. Великий Кормчий стушевался, а глава государства Российского встал со своего места. – Господа, вопрос о межпланетных отношениях и их, как выразился уважаемый Бернارد, монополизации Россией мы обсудим. И обсудим сегодня же. Но сейчас возникла куда более важная проблема, из-за которой я и настоял на этой внеплановой встрече. И вот о ней придется поговорить в первую очередь. Угроза инопланетного вторжения не исчезла. Более того, сейчас она реальна, как никогда!..

Все члены саммита, присутствующие в кабинете Еханссона, удивленно уставились на российского Президента. Конечно, мысль о том, что этот видный политический деятель, возможно, не в своем уме, в голову никому прийти не могла. Однако некоторые сомнения начали закрадываться. И все из-за того, что по заверениям ученых Трунара, а уж они-то на космических путешествиях не одну тонну метеоритной пыли слопали, кроме людей, самих трунарцев и еще одной захудалой цивилизации, недалеко ушедшей от каменного века и в связи с этим не имевшей даже названия, никаких иных разумных форм жизни в космосе не существовало. Спрашивается, откуда может исходить угроза, если питекантропы в космос не летают, а Трунар молится на Землю, как на бога?

Именно над этим задумались все участники саммита. Блондинистый Еханссон застыл в центре кабинета, удивительно напомнив российскому Президенту известную статую Дзержинского на Лубянке. Великий Кормчий прищурил и без того узкие глаза и задумчиво тер переносицу. Причем совершенно непонятна была причина его задумчивости. То ли двадцать миллионов китайцев не давали ему покоя, то ли действительно заявление российского Президента задело за живое.

Про Джорджа, фамилию которого нормальным людям запомнить так и не удалось, хотя все прекрасно знали, Президентом какой именно Америки он является, можно было вообще не говорить. Во время выступления Еханссона он так горячо поддерживал своего коллегу по блоку НАТО, что разве «кольцом» над головой не размахивал. А после слов российского Президента и вовсе готов был ринуться в кавалерийскую атаку. Для этого Джорджу даже шпоры к сапогам пристегивать не нужно было, поскольку он и так их всегда носил. И, по сведениям Моника Левински, которая считалась самым крупным специалистом по американским президентам чуть ли не со времен Первой мировой войны, даже ложась спать, с ними не расставался.

И лишь Ариэль Шаарон, премьер-министр Израиля, казалось, практически не удивился заявлению главы государства Российского. Внешне израильтянин выглядел совершенно спокойным, даже слегка задумчивым. Российский Президент удивленно посмотрел на Шаарона, пытаясь понять, известно ли было МОССАДу об этом заявлении заранее или Ариэль просто очень хладнокровный старичок, но тут же выяснилось, что премьер-министр Израиля просто спит. И это успокоило Президента российского. Пнув ногой под столом Шаарона, он закончил свою фразу:

– И чтобы мы лучше поняли, что происходит во Вселенной, к нам прибыл с Трунара сам господин Скрааб. Он нам все и объяснит. Прошу любить и жаловать.

При этих словах Президент сделал широкий жест рукой по направлению к двери, расположенной позади Еханссона, и все остальные члены саммита, словно по команде, повернулись туда. Дверь, естественно, открылась, и в кабинет, где проходило собрание, вплыл гигантский небесный. «Вплыл» не потому, что в кабинете было по грудь воды, а оттого, что двухметровую фигуру Скрааба скрывал длинный оранжевый плащ и под этим плащом движения ног небесного различить было невозможно. Вот со стороны и казалось, что он плывет. Не брассом, естественно.

Может быть, людям Скрааб и казался несколько высоковатым, но для небесных рост его считался ниже среднего. Носил он, как и все благородные тунейдцы, длинный оранжевый плащ с капюшоном, так сильно скрывавшим лицо, что разобрать под ним удавалось только подбородок. Сделав два шага в сторону глав крупнейших государств Земли, президент Трунара остановился. А следом за ним в комнату впорхнули два обычных человека и раздали членам саммита какие-то приборчики, похожие на слуховые аппараты. На что, впрочем, никто из собравшихся внимания не обратил, и лишь Великий Кормчий, удивленно повертев прибор в руках, попытался постучать им о стол.

– Господин Мао, прибор вешается на пояс, а наушник вставляется в соответствующее место... – попытался было урезонить его российский Президент, но закончить инструктаж не позволил Еханссон.

– Господин Президент, у нас тут теперь что? Кунсткамера?! – возмущенно завопил глава Евросоюза, тыча указательным пальцем в небесного.

– Кунсткамера не у вас, а у нас в Санкт-Петербурге, – сделал поправку глава государства Российского. – И попрошу вас, господин Еханссон, оставить свои расистские замашки. Я надеюсь, мы здесь все люди цивилизованные. И уж вам-то гораздо лучше других должно быть известно, что в вопросах государственной безопасности не может быть никаких расовых и национальных ограничений. Давайте просто выслушаем господина Скрааба, а уж затем будем выносить суждения.

Президент Трунара за время этого диалога даже не шелохнулся, продолжая стоять в двух шагах от дверей. Не двинулся с места он и тогда, когда два шустрых парня принялись помогать главам земных государств надевать универсальные переводчики. И лишь когда сия процедура была закончена, Скрааб что-то прочирикал на абсолютно непонятном землянам языке. Впрочем, переводчики эту проблему тут же решили.

– Большое спасибо вам, гуманоиды, за то, что согласились выслушать меня, – процитировали Скрааба приборы. – Ситуация действительно крайне серьезна. И я боюсь, что без помощи Земли Трунару ее не выправить. У нас началось восстание...

Как говорится, «дурной пример заразителен». Цивилизация Трунара в том виде, в каком ее узнали земляне, существовала уже больше тысячи лет. Несколько освоенных трунарцами планет были объединены в общий конгломерат с единым правлением, располагавшимся, естественно, на родной планете небесных. Правитель этого конгломерата условно назывался «президентом». И было это «условно» потому, что хотя президент на Трунаре и избирался прямым голосованием, но занимал свой пост пожизненно. Более того, последующим президентом обычно избирался кто-то из родственников усопшего главы государства. Вот и судите сами, какой он президент?!

Такой порядок вещей был нарушен лишь дважды. Первый раз – по не зависящим от людей причинам, когда законно избранный президент Трунара просто сошел с ума и палата лордов вынесла ему импичмент. А второй раз – при непосредственном участии землян. Ликвидируя угрозу порабощения своей родной планеты, люди, а именно отряд «икс-ассенизаторов», устроили на Трунаре военный переворот и привели к власти над конгломератом планет Скрааба. И судя по тому, что сейчас говорил президент Трунара руководителям крупнейших государств Земли, именно этот пример оказался заразительным.

Переворот на Трунаре, по большей части, удался потому, что летунам и мурлантам, стоявшим ниже небесных на иерархической лестнице этой цивилизации и появлявшимся на свет исключительно в результате клонирования и генетических экспериментов, были обещаны избирательные права и места в палате лордов. Конечно, немалую роль сыграло и то, что благодаря компьютерным разработкам Харакири землянам удалось подделать заявление бывшего президента Трунара о передаче власти. Но все равно успех был частичным. Свергнутый глава конгломерата планет скрылся, прихватив с собой верных соратников, и тут же принялся за диверсионную деятельность, развращая правительства подчиненных Трунару планет.

Первые три месяца Скрааб правил совершенно спокойно, пытаясь ввести некоторые новшества в общественно-политический уклад своей цивилизации. В частности, издал закон о всеобщем избирательном праве и частной собственности. Однако изнеженную касту небесных такой почин не порадовал. И если на самом Трунаре, уже здорово развращенном контрабандными товарами с Земли, подобный уклон в сторону демократии был принят почти восторженно, то остальные планеты своего нового президента не поддержали. Более того, они осмелились в открытую высказывать недовольство его реформами. А теперь одна из планет подняла

самый настоящий мятеж. Она отказалась подчиняться новому правительству и заявила, что любой корабль с Трунара и прочих союзных ему планет, войдя в ее звездную систему, будет уничтожен.

– Я что-то не пойму, при чем тут земляне? То есть мы? – перебив рассказ Скрааба, заявил американский Президент. – Это ваш внутренний конфликт, вы его и решайте... – и тут же запнулся. – Хотя, скажите, а на этой планете имеются нефть и эллериум?

– Хоть брускалкой ешь! – заверил Джорджа Скрааб, и универсальный переводчик из стыдливости решил не трансформировать неизвестное землянам слово. Впрочем, все и так поняли, что президент Трунара имел в виду.

– Тогда, пожалуй, я готов ввести на территорию этой планеты пару-тройку дивизий десантников, – заявил янки. – Разумеется, исключительно для поддержания правопорядка, свержения диктатуры и установления истинно демократических норм...

– Вот только на других планетах ваших десантников пока еще не было! – оборвал Джорджа российский Президент. – Может быть, сначала дослушаете господина Скрааба?

– Боюсь, все не так просто, уважаемый гуманоид, – слегка кивнув головой американцу, заявил президент Трунара. – Открытую агрессию против этой планеты проводить сейчас нельзя. Все-таки там живут наши соотечественники, и атака на них может заставить остальные планеты взбунтоваться. Я думаю, на это руководители мятежа и рассчитывают...

– Ну а после того, как все планеты трунарского конгломерата поднимут мятеж, правительство Скрааба будет свергнуто, – вступил в диалог глава государства Российского. – Думаю, никому не нужно объяснять, что следующей целью мятежников станет Земля. Поэтому самым разумным считаю устранение руководителей мятежа...

– То есть вы предлагаете вновь возродить проект по борьбе с пришельцами и собрать вместе «икс-ассенизаторов»? – перебил его премьер-министр Израиля. Российский Президент утвердительно кивнул. – Я поддерживаю это предложение! – воскликнул Шаарон.

Глава государства Российского ничуть не сомневался, что Израиль поддержит его инициативу. Хотя бы потому, что накануне министр иностранных дел России и руководитель соответствующего ведомства Израиля провели предварительные переговоры по поводу передачи некоторых заказов на поставки алкоголя трунарцам в ведомство израильтян.

Не было проблем и с Великим Кормчим, до сих пор не сумевшим куда-нибудь пристроить двадцать миллионов китайцев. В качестве второй родины им была предложена не слишком густо заселенная область восставшей планеты. Мао, естественно, был этому несказанно рад. И хотя он опасался, что история с поселениями на лунной базе повторится, на предложение российского Президента ответил утвердительно.

А вот с Джорджем и Еханссоном возникла серьезная проблема.

Эти руководители никак не желали смириться с ведущей ролью России в межпланетных делах и, помня о своей былой гегемонии, вновь пытались выйти в лидеры. В частности, оба умника потребовали за поддержку возрождения отряда «икс-ассенизаторов» пятьдесят процентов прибыли от торговли алкоголем между Землей и Трунаром. Российский Президент эти наглые поползновения мгновенно пресек. Он заявил, что Евросоюз и Штаты могут легко отказаться от участия в проекте. Но и от участия в разделе последующих дивидендов – в случае успешного завершения операции – они тоже будут отстранены.

Американца и европейца это, конечно, не устроило, и они принялись торговаться. Дискуссия развернулась нешуточная, и тянулась она до позднего вечера. Подробности ее интересны лишь бухгалтерам и политикам, поэтому здесь и дальше упоминаться они не будут. Достаточно сказать лишь то, что дебаты закончились полной победой российского Президента. И когда он, устав от споров, но полностью удовлетворенный собой, откинулся на спинку кресла, Ариэль Шаарон поинтересовался:

– А скажите, господин Президент, как называется восставшая планета?

– Извините, Ариэль, но по-русски это звучит совершенно непечатно, – улыбнулся глава государства Российского и что-то прошептал Шаарону на ухо.

– Ничего себе! – тут же возмутился израильтянин. – Может быть, для приличия переименуем ее в Материнское лоно? Или просто Лоно?

– Тогда уж лучше назовем ее Лона, – хмыкнул Президент и пояснил: – Звучит пристойнее.

Возражений не последовало. Даже со стороны Скрааба, который безропотно принял новое название своей старой планеты. Впрочем, возражений и не могло последовать, поскольку все собравшиеся знали, что с российским Президентом бесполезно спорить. Уж кто-кто, а Россия всегда своего добьется!..

Часть I

Психическая атака

Глава 1

Шар голубой. Не в смысле сексуальной ориентации, а исключительно из-за своего цвета. Колхоз «Красное вымя»... Цвет тут тоже ни при чем. Так же как и вымя. Да и сам колхоз уже отсутствует. Малолюдная база «икс-ассенизаторов». Время странное. Поскольку кажется, что оно остановилось. Да вообще и до этого никуда не шло.

Бывшие работники колхоза «Красное вымя» элементарно бы не узнали места, где они работали, жили, умирали и занимались прочими, совершенно не имеющими отношения к высоким материям вещами. Впрочем, бывших работников колхоза, как и все прочих гуманоидов, не имеющих в кармане ничего, кроме избирательного права, к бывшим границам «Красного вымени» не подпустили бы и на пушечный выстрел. Тут теперь обитали совсем иные существа.

Солдатиков роты стройбата, изредка сменявших друг друга на боевом дежурстве по очистке канализации, подлатыванию мелких дыр на взлетно-посадочной полосе и прочих хозяйственных работах, за существ хотя бы полуразумных, конечно, можно бы было посчитать, но почему-то никто этого не делал. Бойцов внутренних войск за существ принимали, поскольку все они были с автоматами и иного отношения к себе просто не допустили бы. Правда, по поводу степени их разумности никто высказываться не решался. Отчасти потому, что, кроме местных белок, заблудившихся медведей и одичавших кур, поблизости никого не было, а они высказываться не умели. А отчасти из-за того, что ни один мало-мальски разумный человек высказывать свое мнение персонажу с автоматом ни за что бы не решился.

Дефицита разумных людей на территории бывшего колхоза «Красное вымя», в общем-то, не было. Поэтому не высказывать свое мнение солдатам внутренних войск они вполне могли бы. Чего и придерживались, поскольку на поверхность не поднимались, а вели уединенную жизнь отшельников от науки в укрепленном бункере под руинами колхоза. Связь с внешним миром ученым поддерживать возбранялось. Единственным исключением были разговоры по видео с родными и близкими, да и они проходили под тщательным контролем начальства. И в случае попытки разглашения учеными каких-либо тайн связь была бы немедленно оборвана, а нарушавшие договор личности подвергнуты обструкции, вплоть до расстрела. Впрочем, подобных прецедентов еще не случалось, и жизнь на базе протекала тихо и мирно. Особенно с того момента, как доблестные спецназовцы «икс-ассенизаторы» в полном составе покинули пределы базы и возвратились в родные воинские части.

Естественно, что после героического спасения родной планеты и освобождения несчастных псевдороботов на Трунаре каждый член группы мог бы вполне рассчитывать на мировую славу, всеобщее обожание и пару-тройку памятников в родных местах, но, как утверждает мировая статистика, далеко не все расчеты оправдываются. Некоторые из них прокурорам удастся запереть под замок на различные сроки тюремного заключения.

Расчеты «икс-ассенизаторов» такая участь, слава богу, миновала, но и оправдаться им было не суждено. По какой-то непонятной прихоти российского военного начальства с бойцов взяли подписку о неразглашении всего увиденного, услышанного, унюханного и распробованного во время службы на базе и космических приключений. А для того, чтобы некоторые члены

отряда – в первую очередь имеется в виду Пацук! – не слишком этим возмущались, каждому бойцу был выплачен вполне приличный гонорар.

С тех пор прошло больше трех месяцев. База без «икс-ассенизаторов» осиротела, и несчастный подполковник Раимов грустно слонялся по ней из угла в угол, совершенно не зная, чем себя занять. Низкорослый и кривоногий татарин до сих пор сохранял должность командира базы, но командовать ему уже было нечем. Поскольку, как известно, ученые команд не понимают, а, кроме них, в подчинении Раимова других лиц не наблюдалось.

Конечно, подполковнику вменялось в обязанности «проведение контроля охраны секретных объектов», коей занимались солдаты Внутренних Войск на поверхности, но подобное времяпрепровождение Раимову быстро наскучило. Сначала он поднимался на поверхность раз в два дня и обходил все посты, надеясь отыскать какие-либо нарушения Устава караульной службы, но очень скоро испытал страшное разочарование. Бойцы Внутренних Войск оказались контрактниками, зарплата, и хорошего, между прочим, лишаться не хотели, а поэтому «безобразий не нарушали».

Сделав такое открытие, подполковник стал подниматься на поверхность из бункера сначала два раза в неделю, а затем и того реже – строго по субботам. После бани. Исключительно для того, чтобы выпить с командиром контрактников по сто грамм чая, без заварки, без воды, без вкуса и запаха, приличествующего указанному тонизирующему напитку, но зато с откровенным душком чистого этилового спирта. Так сказать, для поддержания разговора!

Такой образ жизни, как всем известно, может до хорошего и не довести. И еще неизвестно, на какие дозы и какую периодичность перебрался бы в итоге доблестный подполковник, если бы однажды в его кабинете, являвшемся одновременно и штабом базы, не зазвонил красный телефон. Аппарат нагло трезвонил, оповещая Раимова о том, что с ним хочет поговорить кто-то из самого высокого начальства.

Подполковник знал, что подобные звонки означают далеко не всегда повышение, поощрения и прочие милые сердцу любого офицера награды, но иной раз и нечто совершенно противоположное. Увольнение в запас, например. Поэтому трубку Раимов снял с невольным трепетом в душе, дрожью рук и подгибанием коленей.

– Подполковник Раимов у аппарата! – между тем абсолютно спокойным голосом сообщил он начальству. Начальство почему-то этому сообщению не удивилось. – Слушаю вас.

Начальство и этому сообщению не удивилось. Оно просто начало говорить и говорило довольно долго, изредка позволяя подполковнику вставить дежурные фразы из армейского лексикона. Такие, как «Есть», «Так точно», «Будет исполнено» и «Слушаюсь». Несколько реже Раимову удавалось вставить выражения, абсолютно противоположные по смыслу вышеуказанным, но они на ход разговора никак не повлияли.

Впрочем, на этот ход не могло бы повлиять ничего. Разве что Раимов бросил бы трубку! Но подполковник на такой сумасшедший шаг никогда бы не решился, и разговор закончился именно тогда, когда этого захотело начальство. А Раимов, рывкнув в ответ на последний приказ: «Есть подготовить базу!», – дождался коротких гудков и только после этого положил трубку.

– Ну, архаровцы, уж я-то вас встречу! Уж я-то вам базу подготовлю, – довольно потер руки Раимов и поднял трубку другого телефона. Ему нужно было предупредить командира контрактников о прибывающем самолете и объяснить, чтобы тот своих бойцов держал подальше от аэродрома.

Первым из «архаровцев» на базу прибыл Ганс Зибцих – ефрейтор бундесвера, снайпер и невозможный чистюля.

Доложив Раимову о своем прибытии, Ганс тут же отправился в помещение личного состава базы и со всей тщательностью провел там санитарную инспекцию. Как и ожидалось, он

выгреб полведра пыли из-под кроватей, нашел паутину в углах и начиненные отравой зачерствевшие куски хлеба, которые крысы категорически отказывались есть.

Пока Ганс, прозванный за невероятную чистоплотность и не поддающуюся пониманию страсть к уборке «тетей Машей», наводил лоск, на аэродром базы совершил посадку еще один самолет. На этот раз список его пассажиров был несколько расширен. В отличие от Зибциха, доставленного на базу прямо из Берлина, следующий рейс прибыл из Москвы, и на борту самолета находилось целых два спецназовца – есаул Пацук и чернокожий капрал Кедман. Первый, естественно, с Украины, а второй, как это ни странно, не из Зимбабве, а из Североамериканских Штатов.

Микола с момента последней встречи «икс-ассенизаторов» совершенно не изменился. Весь полет он ворчал, жалуясь на то, что его зачем-то продержали два дня в Москве, в карантине, хотя «свинка» на Украине это не болезнь, а национальное достояние. Еще больше Пацук возмущался тем, что его заставили лететь вместе с матерым афроевреем. На что гигант Кедман ничуть не обижался и каждый раз после выражения есаулом недовольства добродушно хлопал Пацука по спине так, что у того едва не ломался позвоночник. После этого Микола на пару минут замолкал, зачем-то поправлял на голове оселедец, а затем вновь начинал свое нескончаемое ворчание.

Кедман добирался до базы немного иным путем. По вполне ясным любому гражданину России и вообще каждому здравомыслящему человеку причинам «Боинг» из Вашингтона (округ Колумбия) на базу «икс-ассенизаторов» не пустили. Самолет из Америки посадили в Москве, и пока военврачи, таможенные службы и прочие стражи российской действительности обследовали Пацука, Кедман также сидел в карантине. Именно тогда капрал подумывал о том, не перекраситься ли вновь во все цвета радуги, дабы не разбивать у сослуживцев сложившихся стереотипов. Но затем решил оставить свою прическу в покое и прилетел на базу с курчавой короткой стрижкой, делавшей его голову похожей на мутировавшее киви. По этому поводу Пацук тоже пошутил. Но, услышав в ответ фразу о том, что его-то голова и вовсе похожа на круп кобылы, на время потерял дар речи от ужасающего открытия факта наличия чувства юмора у американца.

Естественно, доложив Раимову о прибытии, оба отправились в комнаты личного состава, где Пацук принялся распаковывать свой бездонный вещевой мешок, а Кедман умчался в тренажерный зал проверять инвентарь. И ни тактичный Зибцих, ни забывчивый Кедман не удосужились спросить у есаула, как поживает Сара Штольц. Зато старшина Шныгин, с истинно медвежьей прямоотой, явившись на базу, первым делом – естественно, после визита к подполковнику! – об этом у Пацука и поинтересовался.

– Ну что, Микола, как на море отдохнул? – коварно улыбнулся Сергей.

– На каком? – прикинулся дурачком есаул. Зибцих наострил уши, хотя и порядок наводить не перестал.

– А ты за три месяца успел на нескольких морях побывать? – хмыкнул старшина. – Сало, ты мне мозги не компостируй, еври бади. Прекрасно ведь понял, блин, о чем я спросил. Где Сару оставил? У вас просто любовь или намечается свадьба?

Пацук попробовал отшутиться, но это не помогло. Старшина насел на него с новой силой, и было очевидно, что он не отстанет, пока не получит от украинца вразумительный ответ. Однако предки Миколы, видимо, довольно успешно партизанили в Полесье, гуляли с батькой Махно по широкой украинской степи и занимались иными нехорошими, с точки зрения оппонентов пацуковских предков, делами. Есаул сдаваться не собирался, был нем, как Зоя Космодемьянская, и стоек, как Олег Кошевой. И чем сильнее давил на него Шныгин, тем сдержанней Пацук ему отвечал. В итоге старшине пришлось поставить крест на своем любопытстве и уйти несолоно хлебавши. Правда, шоу на этом не закончилось. Едва Сергей успел завалиться на кровать, как в кубрик вихрем ворвался Кедман.

– Все проверил! Тренажеры в полном порядке. Разве что баскетбольные мячи нужно будет немного подкачать... – оповестил всех он и запнулся, увидев Шныгина. – Хай! Как долетел?.. Ну и хорошо, – а затем повернулся к Пацуку: – Микола, я еще в самолете хотел спросить, да все забывал. А где Сара? Вы разве не вместе?

Микола зарычал. Если приставания Шныгина, брата-славянина, он еще мог стерпеть, то разговаривать на тему своей личной жизни с американцем явно не собирался. Увидев перекошенную физиономию есаула, Шныгин заржал, как пожарная лошадь, а капрал, не присутствовавший во время предыдущей сцены и поэтому не ведавший, что творит, попятился к двери. И неизвестно, чем бы закончилась эта история, если бы в конфликт не вмешался Раимов. Вполне вероятно, что Пацук загрыз бы ничего не понимающего Кедмана либо смеющегося Шныгина, но после приказа подполковника явиться на общее собрание есаулу пришлось отложить осуществление своих намерений. Как и остальным пришлось забыть о выяснении дальнейших перипетий судьбы Сары Штольц, случившихся с ней после предложения Пацука о совместной поездке на море.

– Прекратить делать из казармы зоопарк, мать вашу в ассистентки Куклачеву! – рявкнул Раимов по внутренней связи. – Привести себя в предписанный Уставом вид и явиться на общее собрание в актовый зал. Даю вам пять минут. Затем буду наказывать.

– Ох, батюшка, сокол вы наш ясный, чего ж вы так кричите? – ехидно поинтересовался есаул, падая перед видеокамерой наблюдения на колени. – Знаете, воно ж как бывает, когда командиры на работе надрываются? Кричит, кричит такой командир, а потом бац, утром просыпается, а языка нема!

– Два наряда вне очереди, агент Пацук, – прошипел подполковник.

– Ну-у, началось! – вздохнул есаул. – А скажите, пожалуйста, Василий Алибабаевич, у вас какой-нибудь лимит на наряды существует?

– Еще наряд! – отчеканил в ответ Раимов.

– Ясно. Лимитов не предвидится, – пробормотал себе под нос Микола, а вслух рявкнул: – Есть еще наряд вне очереди!

После этого красный глазок на видеокамере погас, поставив всех бойцов в известность о том, что Раимов связь отключил. Пацук несколько секунд безмолвно смотрел на отключенную видеокамеру, а потом горестно вздохнул и направился к выходу из кубрика. Шныгин, не успевший даже переодеться с дороги, догнал его в дверях.

– И нужно тебе всегда, блин, на неприятности нарываться? – поинтересовался старшина у украинца. – Тебя кто-нибудь за язык тянет или у тебя просто в заднице свербит, еври бади?

– Ты чего до меня докопался?! – возмутился Пацук. – Тебе поговорить не с кем? Так иди к доктору Гобе! Он всегда рад поучаствовать в психологических экспериментах...

– У-у, как все запущено, – понимающе протянул Шныгин. – Похоже, Микола, с Сарой у тебя вышел полный облом.

– А вот это уже не твое дело! – отрезал есаул и ускорил шаги.

Так они и пришли на общее собрание – Пацук первый, Шныгин за ним, что привело Раимова в состояние, близкое к коматозному. За все то время, которое есаул и старшина провели под его руководством, подполковник еще ни разу не видел, чтобы эта парочка проявляла хоть малейшие признаки служебного рвения. Более того, Раимов со стопроцентной уверенностью мог сказать, кто появится в актовом зале последним, кто не встанет после команды «Подъем!», кто может не прийти в столовую на ужин. В общем, по количеству мелких, но систематических нарушений Шныгин с Пацуком занимали первые места в группе. И когда оба раньше всех ввалились в актовый зал, подполковник почувствовал, что рушатся все принципы незыблемости Вселенной, земля уходит из-под ног, а Эйнштейн оказывается полным кретином... Последнее заявление, впрочем, в связи с новыми открытиями ученых могло быть и правдой, поэтому с повестки дня снимается.

– Вы что здесь делаете?! – заорал подполковник, как только сумел выйти из ступора. Шныгин с Пацуком оторопели, но Раимов тут же поправился: – То есть я хотел сказать: проходите. Как это вы умудрились явиться раньше других?

– А чему тут удивляться? Голому собраться – только подпоясаться, – буркнул себе под нос Микола, а вслух доложил: – Рады стараться, ваше высокоблагородие!

– А тебе бы только поюродствовать, – фыркнул Раимов, окончательно пришедший в себя. – Присаживайтесь. Сейчас остальные подойдут.

Общество подполковника к откровениям не располагало, как, впрочем, и общество любого другого начальника. Даже если бы Пацук собрался что-либо рассказать старшине, при Раимове делать бы этого не стал. В любом случае парочка «икс-ассенизаторов» во главе со своим командиром соблюдала гробовую тишину, и первым ее нарушил профессор Зубов. Вечно растрепанный, с всклокоченными, словно у взбесившегося кота, волосами, ученый ураганом ворвался в актовый зал и с порога заявил:

– Лекция отменяется! Меня срочно вызвали для доклада по одному секретному проекту, поэтому на сегодня все свободны. Можете идти домой и зубрите там пятый параграф двенадцатой главы. – Зубов замер, удивленно обводя глазами актовый зал. – Тьфу ты! – фыркнул он. – И почему мне все время кажется, что я должен читать лекции в университете? Прямо наваждение какое-то. Может быть, мне надо поменьше работать? Или, наоборот, побольше?!

– Профессор, вы сначала сядьте, а потом определяйтесь с тем, что именно вам требуется, – устало вздохнул Раимов, не любивший общаться с теми, кто не признавал Устав и наставления вооруженных сил.

– Конечно-конечно, – торопливо согласился Зубов и занял кресло в первом ряду. Подполковник застонал.

– Да не туда! – рявкнул он. – Профессор, ваше место в президиуме, рядом со мной.

Зубов хлопнул себя ладонью по лбу и, отчаянно размахивая руками, поднялся в президиум. Буквально через минуту после этого знаменательного события в актовом зале появился доктор Гобе. Француз сдержанно поздоровался со всеми и занял место в уголке, сев вполоборота к залу, чтобы иметь возможность видеть каждого из присутствующих. Затем на собрание явился Хиро Харакири – японский компьютерный гений. А уже после него в актовый зал вошли Зибцих и Кедман. И хотя оба бойца ни на секунду не опоздали, Раимов влепил обоим по наряду вне очереди. Просто так. Для поддержания дисциплины.

– Итак, общее собрание будем считать открытым, – заявил собравшимся Раимов. – Вступительное слово предоставляется мне. На повестке дня только мой доклад. А потом, если возникнет необходимость, начнем прения. Вопросы есть?

– Так точно, сэр! – рявкнул Кедман, вскакивая со своего места. – Что опять случилось такого страшного, раз нас снова решили собрать вместе?

– Вот именно об этом мы сейчас и поговорим, – буркнул Раимов. – И сядьте, агент. Нечего версту коломенскую из себя изображать.

Кедман, хоть и не понявший, что такое «верста коломенская», предпочел сесть, поскольку именно так приказал командир. А Раимов, набрав полную грудь воздуха, начал свой доклад. Как обычно, подполковник много говорил о чувстве долга, верности присяге, солдатском самопожертвовании и прочих морально-волевых качествах, необходимых военнослужащему. А к тому времени, когда Василий Алибабаевич все-таки добрался до сути, большая часть собравшихся в зале была готова его убить. Остальные, несмотря на желание узнать, чем же монолог Раимова кончится, начали засыпать и встрепенулись лишь после того, как подполковник стукнул кулаком по столу.

– Мы совершили то, что поручило нам человечество! – подвел он итог своей речи. – Мы спасли родную планету, а заодно избавили от рабства множество инопланетян. Последнее, впрочем, не суть важно. А важно то, что свергнутый нами диктатор не только жив и здоров,

но еще и поднял восстание. Трунар на пороге гражданской войны, и у нас есть приказ сделать все возможное, чтобы сохранить у власти лояльное нам правительство. То есть мы должны подавить бунт...

– И всего-то?! – удивился Пацук. – А я уже волноваться начал. Думал, нам придется для вас невесту искать или пару звезд с места на место передвинуть.

– Р-р-разговорчики! – рявкнул подполковник на украинца, однако нарядов почему-то в этот раз не дал. – А сейчас я расскажу, что именно нам предстоит...

Последующий рассказ Раимова, конечно, был подробней, чем простое заявление о необходимости подавления мятежа, однако и он тактическими изысками не отличался. А всему виной был острый недостаток информации. О том, что именно произошло на планете, метко названной Президентом Лона, было известно чрезвычайно мало. Просто в один прекрасный момент члены колониального правительства этой планеты заявили, что прекращают со Скраабом и его свитой всяческие отношения и выходят из конгломерата планет трунарской цивилизации.

На этом можно было бы поставить большую и жирную точку, если бы не несколько представителей расы небесных, сбежавших с Лоны после начала мятежа. Они заявили, что во главе мятежников стоит бывший президент Трунара, что правительство Лоны развернуло широкомасштабную подготовку к войне и, что самое главное, бывший президент Трунара привез с собой каких-то солдат чрезвычайно жуткого вида и не менее жутких нравов. Ни под одно описание известных трунарцам рас эти вояки не подходили, что позволило инопланетянам сделать вывод о новых генетических экспериментах, начатых свергнутым президентом. Это их беспокоило чрезвычайно. И именно вопрос о том, проводятся на Лоне секретные генетические эксперименты или нет, «икс-ассенизаторам» и предстояло выяснить в первую очередь.

– Василий Алибабаевич, а почему опять мы? – поинтересовался Шныгин. Раимов поморщился, но, поскольку сам некогда просил в неофициальной обстановке звать его по имени-отчеству, от замечаний воздержался. Вместо этого подполковник просто ответил на вопрос.

– На это есть несколько причин, – усмехнулся он. – Во-первых, вы лучшие бойцы во Вселенной! – что, естественно, было встречено одобрительным ропотом. – Во-вторых, вы уже доказали всей Галактике, что воюют не числом, а умением. Ну а в-третьих... – тут Раимов сделал паузу и подождал, пока все внимание будет сосредоточено на нем. – Ну а в-третьих, – продолжил он, – вы прекрасно знаете, насколько консервативны трунарцы. Чего только стоит не изменившийся за многие тысячелетия общественно-политический строй! Вот и с наукой у них беда. Пока изобретут что-то новое, может еще тысяча лет пройти... Это я потому говорю, что сбежавший диктатор Вроом прекрасно осведомлен о техническом потенциале Трунара и готов пресечь любую агрессию со стороны небесных. Солдаты, верные Скраабу, просто не имеют технической возможности проникнуть на Лону и разобраться с мятежом. Их обнаружат еще на подступах к планете, а это приведет к началу войны, чего Скрааб хочет избежать в любом случае. Когда еще трунарские ученые найдут способ преодоления защиты мятежников... К тому времени от самого Скрааба уже и праха не останется. Вот поэтому мы и должны сами подавить мятеж. – Раимов усмехнулся. – Ну и последнее! Если Вроома ликвидируют люди, а не небесные или мурланты, гражданской войны на Трунаре удастся избежать, поскольку гнев мятежников обратится в сторону нашей планеты.

– Ничего себе подарочек! – возмутился Пацук. – Значит, мы не только будем своими руками чужой жар загребать, но еще и считаться ворами, если нас за этим делом застукают? Воно ж знаете, как бывает, когда такие предложения делают самостийному украинцу?..

– Пацук, ты можешь хоть когда-нибудь дослушать собеседника до конца, мать твою в Госдуму микрофоны депутатам отключать?! – перебил его Раимов. – Если мы не ликвидируем мятеж, Скрааба скорее всего свергнут. Трунаром снова будет править Вроом. Сказать, что тогда произойдет?

– На нас нападут, сэр! – рявкнул Кедман, вскакивая со своего места. – Я не думаю, что Вроом забудет о том, кто именно надрал его инопланетную задницу на Трунаре. Земля снова окажется под угрозой вторжения. Я правильно вас понял, сэр?!

– Именно так, – кивнул головой Раимов. – Поэтому...

– Одну секундочку, – перебил его Зубов, доставая откуда-то обгрызенную ручку и замусоленный листок бумаги. Профессор положил их на стол, а затем ткнул пальцем в капрала. – Повторите еще раз, как зовут этого студента? Талантливый мальчик. Думаю, мне стоит побеседовать с ним после лекций...

– Профессор!!! – не выдержав, заорал прямо в ухо Зубову подполковник. – Вы не на занятиях в каком-нибудь задрипанном университете, а на общем собрании секретной военной базы. Прекратите витать в облаках и вернитесь на землю, мать вашу в дельтапланеристики!

– Да понял я, понял, – отодвинулся от подполковника ученый, старательно прочищая ухо. – Не нужно так кричать. Я уже осознал свою ошибку. Так что вы там говорили о студентах?..

Раимов застонал, а «икс-ассенизаторы» задохнулись от смеха.

То есть они могли бы, конечно, и не задыхаться, но в таком случае им пришлось бы ржать во все горло, чего расстроенный Раимов явно бы не допустил. Бойцам пришлось давиться собственным хохотом, а когда припадок прошел, Пацук подбил итог происходящему:

– Я же всегда говорил, что у Зубова «ай-кью» с отрицательным знаком. Интересно, как он не забывает по утрам, что нужно одеться, прежде чем куда-то идти?

– Агент Пацук! Два наряда вне очереди! – рявкнул из президиума Раимов.

– За что? – оторопел Микола.

– За то, что я не слышал, о чем ты там говорил, – отрезал командир.

– Так я ж могу повторить это погромче! – предложил украинец. – Я и не думал, что оно ж вам интересно будет.

– А мне и неинтересно, – отказался от предложения Раимов. – А за разговоры еще тебе наряд. Вопросы есть?

– Никак нет. Есть три наряда вне очереди! – отчеканил есаул и сел на свое место. А в глазах у него было столько желания вцепиться подполковнику в горло, что Шныгин забеспокоился. Сначала есаул хотел покусать его с Кедманом, теперь Раимова. Уж не болен ли Пацук? Хохлацкое бешенство какое-нибудь подхватил или еще что похуже. Женился, например!.. От этих мыслей Шныгина бросило в жар. Старшина решил о плохом не думать и переключился на то, о чем говорил Раимов.

А подполковник в последней части своего доклада сосредоточил внимание на ученых. Начал он с Гобе. Видимо, потому, что француз сидел тише воды, ниже травы, молчал и лишь сверкал глазами из своего затененного угла.

Собственно говоря, после заключения мира с Трунаром Гобе остался без самых лакомых кусочков своей работы: пленных мурлантов, летунов, кристаллидов и толпатоидов отпустили на свободу, а доктору предоставили обширнейшие материалы по общественно-политическому строю трунарцев, их физиологии и психологическим нормам. Однако, как вы понимаете, для въедливого Гобе подобная рокировка была, что для Казановы – резиновая кукла после месячного воздержания. Поэтому француз рвал и метал. Доктору нужно было потрогать исследуемый объект руками, влезть ему в черепную коробку и проделать там пару-тройку манипуляций. И вот лишенный инопланетян Гобе готовился перенести весь свой энтузиазм на «икс-ассенизаторов».

Эту возможность француз Раимов предоставил. Подполковник заявил, что бойцам не мешало бы пройти усиленный курс подготовки блокирования любого ментального воздействия. Проводить этот курс должен был, естественно, Гобе, у которого тут же жадно загорелись

глаза. «Икс-ассенизаторы», напротив, страстью к занятиям у Инквизитора не пылали и уже на собрании стали придумывать всевозможные поводы, чтобы от них отвертеться.

Хиро Харакири получил от подполковника задание заняться изучением трунарских способов дальней локации и поиском методов ее преодоления. Ну а Зубов, как всегда, волен был заниматься всем, что попадется ему на глаза. Сейчас ему на глаза ничего, кроме стриженной макушки Раимова, не попадалось. Однако заниматься ею профессор не стал, поскольку никто его не неволил. Вместо этого Зубов принялся за расчеты электромагнитного резонанса двигателей трунарских кораблей. И делать это профессор стал прямо на столешнице президиума. Благо всегда таскал в кармане мел!..

Раимов хотел было одернуть профессора, но потом решил, что черкание мелом на столе все же лучше тех идиотских реплик, которые время от времени подавал Зубов, и приставать к ученому не стал, оставив его наедине со своими расчетами. Встав из-за стола, подполковник сделал пару шагов вперед, а затем начал пространственную и вдохновенную финальную арию, вновь сильно начиненную возвышенными словами о долге, чести и преданности. Бойцы вникали ему с трепетом в сердцах. Однако трепет этот возник не оттого, что «икс-ассенизаторов» растрогал пафос Раимова, а от опасения, что подполковник будет говорить бесконечно. Но страхи эти не оправдались. Раимов поперхнулся на очередном возвышенном обороте и резко свернул монолог.

– Ну вот, собственно, и все, что я хотел вам сегодня сказать, – старательно откашлявшись, проговорил он. – До ужина можете быть свободны. Потом бойцы ознакомятся с усовершенствованиями в экипировке, ну а затем – личное время и отбой. Вопросы есть?

– Есть, герр подполковник, – проговорил Ганс, поднимаясь со своего места. – Сара Штольц будет участвовать в операции или на этот раз мы станем работать вчетвером?

– Странно, что именно ты задаешь мне этот вопрос, – хмыкнул Раимов, удивленно посмотрев на ефрейтора.

– А чего тут странного? – влез в разговор ехидный Пацук.

– Немцы всегда очень сильно интересовались жизнью евреев.

– Так что с Сарой, герр подполковник? – не обратив внимания на реплику сослуживца, повторил вопрос Зибих.

Раимов усмехнулся.

– Будет вам и Сара, будет и свисток, – перефразировав одну давно забытую поговорку, проговорил подполковник. – У нее какие-то проблемы со здоровьем. Как только медкомиссия решит, что девушка готова нести службу в нашем отряде, она прибудет на базу. В любом случае в район Лоны Сара отправится с вами.

– А те ребята, что нам на Трунаре помогли, еври бади? – поинтересовался у Раимова старшина. – Ну, этот, блин, лейтенант Орлов и компания! Где они?

– Я такими сведениями не располагаю и вам интерес к ним проявлять не рекомендую, – сухо отрезал Раимов. – Это дело правительства. И то, есть ли резервные группы, сколько их и в каких местах они расположены, никого интересовать не должно. Еще вопросы есть?

Ответ был отрицательный, и на этом собрание решили закончить. Персонал секретного бункера расплылся по своим углам, оставив Зубова в одиночестве в актовом зале. Впрочем, сам ученый этого совершенно не заметил, продолжая с упоением выводить формулы уже на полу. А очнулся Зубов только тогда, когда закончил вычисления и хотел было позвать Харакири, чтобы тот оценил гениальный ход мысли, но понял, что в актовом зале никого нет. Горестно вздохнув от осознания того, что нет свидетелей его триумфа, Зубов, размахивая руками, помчался в лабораторию. Теперь следовало готовиться к первым испытаниям.

С этого дня жизнь на базе вошла в привычное, нормальное русло, если хоть что-то в жизни «икс-ассенизаторов» можно было назвать нормальным. Все подчиненные Раимова трудились в поте лица. И ученым доставалось ничуть не меньше, чем бойцам. Зубова с Харакири

инопланетяне просто завалили всевозможной информацией, отчего оба гения носились по базе словно ужаленные, с вытаращенными на полметра дальше привычного положения глазами и вообще напоминали взбесившихся тараканов, осознавших, что никто вокруг их не любит.

К удивлению Гобе, к нему тоже поступила масса интересной информации. И, едва начав изучать ее, француз вдруг понял, что мятеж на Лоне возник не только по велению свергнутого экс-президента. В культуре инопланетян, основанной и тщательно взращиваемой небесными, было достаточно много нюансов, способных однажды привести всю цивилизацию к взрыву. И сейчас, как показалось психиатру, политологу и биологу в одном флаконе, именно этот момент и настал. Конгломерат планет мог в одночасье развалиться, и каждая из них, технически превосходившая Землю, могла бы стать реальной угрозой дальнейшему существованию человечества. Чтобы понять, как этот конгломерат удержать от развала, Гобе требовались данные с мятежной планеты. И француз с удвоенной энергией взялся за подготовку бойцов к предстоящей операции, чему сами бойцы почему-то радоваться никак не хотели.

– Товарищ подполковник, ну сколько ж можно нас к Инквизитору гонять? – возмущался перед очередным заданием Пацук. – Воно ж знаете, как бывает, когда нормальному украинцу всякие доктора на мозги дают?.. Давит это доктор, давит, а потом бац, и свежее сало на столе появляется, хотя никто кабанчика и не колол.

– А откуда тогда сало? – не понял Кедман, уже начавший слегка разбираться в жизни простых украинских парней.

– Из доктора, деревянная твоя афроеврейская голова, – фыркнул есаул и попытался стуком продемонстрировать всем, что голова капрала состоит минимум наполовину из древесины. Однако допрыгнуть до головы Кедмана невысокий украинец не смог. К тому же капрал поймал Миколу за руку.

– А вы что, докторов на Украине едите? – оторопел американец, удивленно осматривая всех присутствующих.

– Конечно! – раньше всех среагировал на вопрос ефрейтор Зибцих. – У них даже особая колбаса есть. Так и называется – «Докторская».

Науке неизвестно, поверил бы Кедман в такое заявление или нет, поскольку Ганс говорил вполне убедительно. Однако, едва посмотрев на вытянувшуюся физиономию капрала, Шныгин с Пацуком настолько дико захохотали, что до американца дошло: его просто разыгрывают. И только тогда Джон фыркнул, отпустил руку Пацука и сам засмеялся. Впрочем, смеялся он не так уж долго, поскольку Раимову пришла в голову мысль о том, что пора прервать всеобщее веселье и отправить наконец бойцов к заждавшемуся француз.

Обстановка кабинета доктора Гобе изменилась не слишком сильно по сравнению с последним визитом туда «икс-ассенизаторов». Те же стены, покрашенные в пастельные цвета, и то же буйство фантазии в интерьере. Правда, голова Дракулы, висевшая над камином, сменила место жительства, видимо, отправившись на родину, в Танзанию, а ее место занял череп какого-то совершенно чудовищного зверя с тремя рядами устрашающе больших зубов, четырьмя рогами и странными выступами на краях нижних челюстей. Бойцов сразу заинтересовало, что это за чудище, и Гобе был бы плохим психологом, если бы не предвидел подобного любопытства. Именно поэтому он повесил под черепом табличку: «Редкий зверь Закусинус выплюнкус, добытый на планете Лона и подаренный мне (поясняю для непонятливых – доктору Гобе) дружественными трунарцами». Причем фраза, находившаяся в скобках, была еще и подчеркнута красным фломастером.

– И зачем ему это понадобилось? – удивленно поинтересовался Зибцих, глядя на подчеркнутую надпись.

– А хрен их, психиатров, разберешь, блин, еври бади! – махнул рукой Шныгин и уселся в легкое пластиковое кресло.

Их, кстати, не так давно принесли сюда специально для занятий и для того еще, чтобы Пацук каждый раз не пытался сесть в кресло времен Людовика Четырнадцатого, столь любимое самим французом.

Однако украинец от соблазна удержаться не мог. Обычно Гобе встречал бойцов, сидя в этом кресле, но сегодня француза почему-то на месте не было. Этим и воспользовался Микола. Войдя в дверь, он прямоком отправился к вожделенному креслу и уселся на него, напомнив собой побритого налысо Бонапарта, восседавшего на барабане перед отправкой на остров Святой Елены. Правда, поблизости никого из свиты Наполеона не оказалось, поэтому сходство украинца с вышеупомянутым французом «икс-ассенизаторами» осталось не замеченным. А отсюда вывод – всю лирику этого абзаца можете пропустить и начинайте читать со следующего! Или перечитайте еще раз, если ничего не поняли...

Остальные бойцы уселись полукругом около небольшого журнального столика из стекла и никеля. Некоторое время вся четверка терпеливо дожидалась появления Инквизитора, но надолго бойцов не хватило.

Конечно, приученные к дисциплине и еще не вполне морально разложенные славянами Зибцих и Кедман остались сидеть на своих местах, но немецкий снайпер стал внимательно рассматривать сомнительного качества произведения искусства, являвшиеся неотъемлемой частью интерьера кабинета Гобе, а янки принялся пальцами левой руки нервно барабанить по подлокотнику кресла, сжимая в правой любимый талисман-свисток.

А вот Шныгин с Пацуком стали бродить по кабинету. Причем Миколу почему-то больше всего заинтересовала небольшая статуэтка Венеры, украшавшая округлую тумбочку в правом углу комнаты, а старшина начал пальцем ковыряться в зубах. Не в своих, естественно, а в зубах «редкого зверя Закусинуса и т. д.». Причем искал там старшина отнюдь не остатки пищи. Сергей подумывал о том, можно ли вытащить зуб зверя на память и заметит ли доктор Гобе пропажу?.. Не пересчитывает же он по утрам эти проклятые зубы?!

Доктор и не пересчитывал. Он просто из соседней комнаты следил за поведением бойцов через камеру видеонаблюдения, что-то фиксируя в своей тетради. И совершенно неизвестно, как долго продолжалось бы это экспериментальное бездействие, если бы Шныгин не начал раскачивать зуб в пасти зверя. Это француз почему-то не понравилось, и он завопил так, будто старшина рвал зубы ему самому.

– Прекрати немедленно, вандал славянский! – рявкнул француз, забыв о том, что на электронную связь между двумя комнатами руководство проекта не расщедрилось. Затем вспомнил и бросился к дверям, торопясь помешать старшине вырвать зуб у нового любимца.

Из-за сего досадного недоразумения появление доктора перед «благодарной» аудиторией вышло не совсем таким, как он планировал. А точнее, совсем не таким! Вместо того чтобы чинно прошествовать к креслу Людовика и на ходу огласить причину своей задержки, француз ворвался в комнату вприпрыжку и, сопровождаемый удивленными взглядами «икс-ассенизаторов», повис на руке у Шныгина. Старшина сначала не сообразил, что именно к нему прилипло, и даже хотел невежливо стукнуть ладошкой другой руки по прилипалке. Хорошо, что вовремя спохватился. А то могло бы выйти так, что занятия спецназовцев у Инквизитора отменили бы по причине тяжелой травмы черепа у этого спасителя черепов.

– Убери свои руки от экспоната! – еще раз приказал Гобе.

Шныгин это распоряжение выполнил и руки убрал. Правда, держать их вытянутыми перед собой почему-то не стал, а просто опустил вдоль тела, на что доктор совершенно не рассчитывал. Только что вольготно висевший на бицепсе старшины, как гамадрил на ветке баобаба, француз свалился вниз и покатился по полу, вызвав оглушительный смех у всех без исключения «икс-ассенизаторов». И это тоже, естественно, в его планы занятий не входило.

– Будьте добры, сядьте все на свои места! – довольно вежливым тоном попросил бойцов доктор, поднимаясь с пола.

Шныгин тут же отправился на ранее облюбованное пластиковое сиденье, а вот Пацук вознамерился занять раритетное кресло.

Под пристальным взглядом Гобе Миколу пришлось отказаться от этого намерения, и есаул пристроился рядом со своими сослуживцами. Гобе же занял место руководителя и, прокашлявшись, принялся раскладывать на журнальном столике какие-то бумаги. Продолжалось это довольно долго, и «икс-ассенизаторы», и без того удивленные нестандартным началом занятий, с нетерпением ожидали, что еще за сюрприз им преподнесет француз. А доктор снова прокашлялся и наконец оставил бумаги в покое.

– Итак, сегодня у нас не совсем обычная тема занятий, – проговорил он, внимательно осматривая своих учеников. – Сегодня мы не будем практиковаться в сопротивлении ментальному воздействию или в методах нанесения такового, а поговорим о культуре. В широком смысле этого слова.

– То есть обсудим, можно или нельзя ковыряться пальцем в носу при дамах? – ехидно поинтересовался Шныгин.

– И это тоже, – усмехнулся Гобе, начавший приходить в себя. – То есть обсудим и культуру поведения, но упор будет не на этом. Кстати, как вы думаете, почему я пришел на занятия не сразу?

– Диарея замучила? – предположил Пацук и нарвался на такой красноречивый взгляд француза, что дальше развивать эту тему не рискнул. – Жаль, что не диарея, – горестно вздохнул Микола и тут же поправился: – То есть жаль, что я не угадал. Диарею я не имел в виду. Я ее вообще не имел...

– Очень хорошо, – перебил самостийника Гобе. – Так вот, цель моей задержки заключалась в том, чтобы дать вам побыть одним в чужом доме. Мне это лишний раз позволило изучить особенности культурного воспитания каждого из вас, а у вас был шанс показать, что вы можете контролировать рефлекторные действия, мотивированные глубинной памятью подсознания. Однако ваше альтер-эго в этот раз...

Закончить фразу доктор не успел. В дверь кабинета довольно громко постучали. Не успел Гобе даже открыть рот, чтобы ответить стучавшим, как грохот прекратился и дверь распахнулась. А на пороге появился подполковник Раимов, наглядно продемонстрировав собравшимся влияние подкормки головного мозга на рефлекторное поведение индивидуума.

– Извините, если помешал, но у вас пополнение, – проговорил командир базы и, отступив на шаг, данное пополнение и продемонстрировал. Им оказался не кто иной, как Сара Штольц собственной персоной. Девушка с улыбкой вошла в кабинет, и бойцы приветственно загудели. Все, за исключением Пацука. Микола не гудел. Вместо этого есаул довольно бесцеремонно фыркнул и заявил:

– Вот те нате, хрен из-под кровати! Явилась, не запылилась. И ведь ни одной ноги по дороге не сломала!..

– Ого, да я смотрю, у вас настоящая любовь, еври бади! – удивленно присвистнул Шныгин, посмотрев на украинца. – У тебя все отдыхи на море так заканчиваются?

– У него вообще все не как у людей заканчивается! – презрительно фыркнула Сара, опускаясь в свободное кресло. – Особенно отдых. Где бы он ни проходил.

– Вы о чем? – поинтересовался у собеседников ничего не понимающий Кедман.

– По-моему, о комбайнах, – подсказал ему Зибчих, чем ввел капрала в полнейшее замешательство. Да и не только его.

– Ну, вы тут занимайтесь, – почему-то смущенно проговорил Раимов и покинул кабинет.

– Ну что ж, мы тут позанимаемся, – согласился с ним Гобе, задумчиво глядя на Сару с Миколой. – Вот только вопрос: чем именно?..

Глава 2

Земля. Год не маркирован. Офис небожителей, в простонародье называемый Кремлем. Внутренности Кремля, мало известные даже небожителям, не говоря уже о широкой публике. Время рабочее. С 8 до 17. Обед – в постель, естественно!

Если кто-то считает, что в Кремле все подряд медом намазано, может сходить туда сам и проверить. Со слов анонимного источника, могу клятвенно сообщить, что ни медом, ни... Кхе! Короче, ничем там не измазано, а наоборот – все абсолютно стерильно. Ковры лежат, паркет тускло сверкает там, где положено. Люди ходят. Прилично одетые, между прочим, и сосредоточенные, словно архангелы на инспекции в преисподней. Кто не верит, может сходить и убедиться лично. Если пропустят, конечно. Ну а если – нет, то совет проявляющим любопытство один: становитесь Президентами. Только помните, что вам придется раз и навсегда забыть о нормированных рабочих днях, гарантированных выходных, свободном личном времени, бутылке пива на сон грядущий и ковырянии в... в носу, например. Поскольку станете вы человеком публичным, на вас будет смотреть вся страна через объективы камер телерепортеров и прочих папарацци. А единственным по-настоящему частным владением станет ваш туалет. Да и то только после того, как его соответствующие органы проверят. А уж что они там после проверки навтыкают, даже господу богу неизвестно!

В общем, будет вам жить крайне тяжело. О многих своих любимых делах забудете на четыре года, это как минимум. А станете себя плохо вести, еще и на второй срок изберут! Впрочем, бывают и исключения. Вон Билл Клинтон с Моникой Левински наозорничал и думал, что от кресла Президента теперь ему не отвертеться, а что из этого получилось, и сами знаете. Но это в Америке. А у нас, в России, подобное безобразие Президенту так просто с рук бы не сошло. Получил бы третий срок, как пить дать!.. Впрочем, это дело давнее, а сейчас у российского Президента накопились совсем иные проблемы. Министр обороны, например, который прицепился к главе государства, как банный лист к цинковому тазику, и следовал за Президентом неотступно. При этом так жалобно и противно гундосил, что глава государства начал серьезно подумывать о том, не подать ли ему в отставку. От греха подальше!

Грех, в ответ на такие мысли, жутко удивился и даже обиделся. Его-то как раз к Президенту и близко не подпускали, и если на свете было место, дальше расположенное от греха, чем кресло российского Президента, то сам грех о нем ничего не ведал. К тому же он был совершенно ни при чем и виноватым себя в том, что министр достал Президента, совершенно не чувствовал. Поэтому обиделся и стал искать тайный вход в Кремль, чтобы лично выяснить отношения с Президентом. И нашел его в лице молоденькой посудомойщицы Клавы, которая однажды, увлекшись чтением любовных романов, так сильно облокотилась на стенку в кладовке, что та рухнула внутрь. Клава тоже рухнула внутрь. Но это сначала. А затем, перепугавшись, что за порчу недвижимости ее могут и оштрафовать, заслонила дыру в стене шкафом. И часто по вечерам, терзаемая скукой и жаждой к знаниям, забиралась в эту дыру и тихо бродила по тайным коридорам, огромными кусками проглатывая новую информацию.

Президент ни о Клаве, ни о ее жажде знаний ничего не знал. Ему и без всяких там Клав забот хватало. В частности, главу государства Российского очень беспокоили все инопланетяне вообще и свергнутый им президент Трунара Вроом в частности. Об этом с ним и хотел поговорить министр обороны, но Президент пока не был готов к принятию какого-то определенного решения и поэтому от министра прятался. То есть под кровати и в шкафы, конечно, не залезал, но и на глаза члену кабинета министров старался не показываться. Что сделать было

не так-то просто, поскольку данный вышеупомянутый навязчивый индивидуум знал в Кремле все входы и выходы... Ну, или почти все!

– Хорошо, Игорь Сергеевич, входите, – сдался Президент, когда в очередной комнате в очередной раз министр обороны постучал в очередную дверь. – Слушаю вас. Только доклады-вайте кратко. У меня и без вас дел невпроворот.

– Я предлагаю немедленно начать операцию, – взял с места в карьер министр обороны. – Люди у нас уже достаточно подготовлены, обучены и морально устойчивы. Думаю, найти этого мятежника и притащить его к нам живым или мертвым они вполне смогут.

– Думаете? – переспросил Президент.

– Уверен! – твердо отрапортовал Игорь Сергеевич. – И еще я думаю, что незачем другим странам участвовать в этой операции. Слишком много желающих примазаться к нашей славе.

– Вы ее еще добудьте, славу эту, – хмыкнул Президент. – А как быть со средствами локационного обнаружения мятежников?

– Нет. И шансов для их нейтрализации почти нет, – доложил министр обороны. – Но есть информация, что очень скоро в систему Лоны войдет комета. Думаю, следует воспользоваться ею как прикрытием и незаметно проскочить к планете мятежников.

– Комета в качестве прикрытия? Это что-то новенькое, – проронил Президент. – Я не очень разбираюсь в космических полетах, но, по-моему, мелкие частицы, которые составляют хвост комет, чрезвычайно опасны для космических кораблей. Вы так не считаете?

– Я не уверен, – замялся Игорь Сергеевич. – Может быть, следует проконсультироваться по этому поводу с астрофизиками или еще какими спецами?

– Вот и консультируйтесь. Вон телефон на столе стоит, прямо отсюда и звоните. Выясните все детали, а завтра утром придете ко мне с докладом. И впредь попрошу вас не доработанные до конца проекты мне не предлагать! – дал Президент наказ министру и торопливо выскочил из комнаты.

Конечно, все это было произнесено довольно спокойным тоном, но из уст всегда сдержанного Президента подобное высказывание звучало как самый жесточайший разнос. Обычно в таких случаях министр обороны падал в обморок, ожидая перевода с понижением в гарнизон Тмутаракани, Наглухозакрытинска или, может быть, если повезет, куда-нибудь не так далеко. К черту на рога, например. Но теперь Игорь Сергеевич заматерел и знал, что Президент строг, но справедлив. При прежнем главе государства Российского и за меньшие провинности, чем плохо подготовленный доклад, могли в Сибирь сослать, а нынешний гуманен. Хоть и суров.

Именно потому, что свято верил в гуманность Президента, Игорь Сергеевич в обморок не упал. Но вот сдержать учащенное сердцебиение и обильное потовыделение все же не смог. Не смогла этого сделать и посудомойщица Клава, которая даже и не по своему желанию, а по велению обиженного греха приперлась по тайным коридорам прямо к кабинету, где с глазу на глаз беседовали министр и Президент.

Конечно, лысеющий дядька министра Клаву интересовал мало, а вот от Президента девушка глаз оторвать не могла. Во-первых, потому, что он мужчина видный, что само по себе женские взгляды притягивает. Во-вторых, оттого, что он Президент, а это притягивает взгляды уже не только одних женщин. А в-третьих, Клава от Президента глаз не отрывала потому, что раньше главу государства так близко видеть ей не приходилось. Ведь ему-то на мойке делать было совершенно нечего, как и Клаве – в президентских апартаментах. И хоть работала посудомойщица в Кремле, до сего дня видела она главу государства лишь пару раз. Да и то издалека и мельком, когда он по двору с охраной проходил. А тут – лишь руку протяни, и Президента можно даже пощупать!

Однако рук Клава не распускала. Она буквально прилипла к небольшим трещинам в стене, стараясь рассмотреть Президента до мельчайших деталей и запомнить таким на всю оставшуюся жизнь. Грех, конечно, внушал девице несколько иные мысли, но, к его удивлению,

Клава держалась стойко. И когда Президент из кабинета вышел, грех и вовсе впал в панику. А Клава, вытирая со лба выступивший пот, умудрилась задеть за рычажок, открывавший потайную дверь, и в клубах пыли с жутким грохотом свалилась прямо под ноги министру обороны, еще не пришедшему в себя от разговора с Президентом.

К счастью для Игоря Сергеевича, кремлевская посудомойка была вполне красива собой. Будь Клава хоть чуточку пострашнее, министра точно свалил бы инфаркт, который, как известно, за всеми министрами и политиками охотится в первую очередь. А так Игорь Сергеевич сначала сдержал рвавшийся изо рта крик, затем охрану, примчавшуюся на грохот, а потом начал усердно сдерживать Клаву, то ли изображавшую обморок во избежание возможного наказания, то ли действительно лишившуюся чувств на полном серьезе.

Стоит отметить, что чем больше Игорь Сергеевич Клаву сдерживал, тем больше ему нравилось это делать. Вот так и родилась в Кремле любовь!.. Интересно, а зачем я все это вам рассказал?!

* * *

Пока еще шар голубой, который, по слухам, крутится-вертится. Что вполне естественно. Поскольку что же еще голубой может делать?! База «икс-ассенизаторов», где голубые – только глаза у Сары Штольца. Время вытворяет черт-те что! Причем без помощи Черментатора.

Море, небо, яркое солнце. Свежий ветерок тревожит безбрежную гладь, и ослепительно белые чайки чиркают крылом по гребням невысоких волн. Прозрачный воздух словно звенит от каждого легкого движения и пьянит ничуть не хуже хорошего душистого вина. Легкий щебет птиц перекликается с шорохом набегающих на прибрежную гальку волн и... И над всем этим сидит на холме Пацук и громко, смачно, от души матерится. Причем на самом деле он только матерится. Все остальное – не более чем просто воспоминания.

Такие вот видения преследовали Миколу с утра до ночи. Ночью преследования прекращались, и видения полностью занимали собой весь беспомощный, спящий разум есаула. И он сначала потихоньку, потом все громче и громче начинал проклинать тот день, когда вообще узнал, что на свете есть моря и их очень рекомендуется использовать для ублажения понаравившихся мужчинам женщин... Впрочем, это еще ерунда! Пацуку после окончания службы в армии предстояло узнать о норковых шубках, бриллиантовых колье, пятизвездочных отелях и о том, что «дорогой, мне снова нечего на себя надеть»!..

Но не стоит говорить о грустном. Пацуку и сейчас проблем вполне хватало. Его так замутили эти подсознательные полеты в прошлое, что есаул боялся спать. А если и спал, то просыпался за два часа до подъема, минут девяносто смотрел на кровать с ненавистной еврейкой, а затем вставал и шел принимать душ. Там хотя бы вода не соленая, птички не щебечут и женщин в пределах четырех стен не наблюдается.

Сегодня утром процедура пробуждения для есаула вновь повторилась. Он опять проснулся от крика чаек и, отлежав на кровати положенное время с полуприкрытыми глазами, отправился в душ. Однако минуты через три после этого, как раз в процессе намыливания головы, есаул вдруг почувствовал, что он в душевой не один. Другой, может быть, и не смог бы шестым чувством уловить легкие изменения в окружающей обстановке, но Пацук легко их заметил. Тем более что неизвестный визитер упирался в его бедро каким-то твердым предметом.

Реакцию Миколы предсказать было довольно легко. Несколько секунд есаул делал вид, что ничего не замечает, продолжая намыливать голову, а затем, молниеносно развернувшись, одной рукой швырнул мыльной пеной туда, где, по его предположению, находились глаза визитера, а другой – что есть силы врезал по твердому предмету, упиравшемуся, как уже было сказано выше, в бедро украинца. После чего, не останавливая движения, есаул провел два удара в корпус и один в голову предполагаемого дерзкого нарушителя суверенитета...

Если бы предмет был тем, чем думал Микола (пистолетом, естественно!), противник был бы уже обезоружен. Остальные удары просто добили бы его и дали возможность Пацуку спокойно избавиться от мыльной пены в глазах и рассмотреть, кому же именно понадобилось забираться в душ, когда его занимал украинец. Однако все получилось не совсем так, как Микола рассчитывал. А точнее – совсем не так.

Твердый предмет после удара украинца действительно прекратил свое давление на бедро. А вот последующие действия успехом не увенчались. Два удара, нацеленные в корпус врага, Микола, видимо, нанес мимо и здорово разбил кулаки о стену. А вот удар в голову незванный гость блокировал и, схватив кулак Пацука мертвой хваткой, со страшной силой сжал. Микола

ойкнул от нестерпимой боли и осел на пол, стараясь все-таки очистить глаза от мыла. А гость тем временем проговорил странным, почти механическим голосом:

– Применены меры пресечения воздействия на служителей правопорядка. Принятые меры считать достаточными. Нарушителя допросить. В случае сопротивления допросу доставить нарушителя... – тут голос запнулся. – Сбой в программе! Сбой в программе!! СБОЙ В ПРОГРАММЕ!!!

– Да не ори ты так, а то всю базу на уши поднимешь, – проворчал Пацук, поднимаясь с кафельного пола и с интересом рассматривая визитера. – Какого хрена опять приперся? И попробуй только заикнись о Саре, я тебе вмиг все логические цепи закорочу. Воно ж знаешь, что с машинами бывает, когда они начинают неверные функции выполнять?.. Работает себе машина, работает, а потом бац, и у нее в самом интимном месте торчит лом!

Незванный гость, судя по всему, задумался. Если, конечно, он вообще был способен думать. На самом-то деле все мыслительные процессы, проходившие в его голове, являлись следствием работы электрических цепей внутри и вне микропроцессоров. А был данный визитер обычным киборгом. То есть не совсем обычным. Обычным он, конечно, был там, где его создали, а вот в прошлом, куда он постоянно мотался и где обитали «икс-ассенизаторы», киборги были большой редкостью. Если точнее – кроме Черментатора, их не было вообще. Да и тот наведывался не так уж часто.

Судя по тому, что Микола видел перед собой, сейчас как раз и был один из таких редких случаев. Правда, есаулу еще следовало убедиться в том, что перед ним находится именно тот Черментатор, к которому бойцы привыкли, а не какая-нибудь более поздняя или более ранняя модель. И причин для подобной проверки было две. Во-первых, раньше Черментатор бесшумно не появлялся. А во-вторых, последний раз, когда Пацук видел киборга, тот, мягко говоря, выглядел несколько иначе. Если быть точнее, то во время последних визитов на базу Черментатор являлся бойцам в образе зеленого черта, оснащенного разнообразным и многофункциональным снаряжением. Теперь же гость из будущего выглядел как самый обычный человек. Высокорослый и мощный, конечно, но отличить его от простого обывателя было бы довольно трудно.

– Ты кто? – начал Пацук проверку, не дав киборгу возможности осознать, где у него самое интимное место, в которое предполагалось вставить лом в случае функциональных сбоев.

– Черментатор, – мгновенно отреагировал гость. – ЧЕРтов МЕНтовский ТАктический ТОрмозной Робот. Модель тысяча. Вариант модифицированный, приспособленный для тесной работы в человеческом коллективе в пределах ограниченного пространства.

– Ну-ка, скажи, что случилось на лунной базе инопланетян в финальной части той операции? – не успокаивался есаул.

– Черментатор две тысячи первый был выведен мной из строя посредством введения внутрисхемно особого компьютерного вируса под названием «Похмелье», – тут же ответил робот.

– Хм, а вот последнего я еще не знал, – удивился Микола. – Ладно, верю, что ты тот самый, за кого себя выдаешь. Какого хрена тебя в душевую-то занесло?

– Вопрос понят. Варианты ответа: «Да», «Нет», «Возможно». Интерпретировать! – механически приказал сам себе киборг, а затем произнес уже голосом, более похожим на человеческий: – Так я здесь испытания прохожу. Как раз по приспособленности к работе внутри человеческого коллектива на ограниченном пространстве. Пытаюсь с тобой взаимодействовать.

– Ты идиот, – констатировал Пацук и засомневался, а можно ли сказать такое об электронной машине. – Хотя, может быть, просто плохо запрограммирован. Передай своему начальству, что испытания провалились. Понял?

– Так точно! – по-военному рывкнул Черментатор и тут же растворился в воздухе. От такого оборота событий нижняя челюсть Пацука чуть не упала на кафель пола, а Микола, после того как смог пристроить ее на место, хлопнул себя рукой по лбу.

– Идиот это не он, а я, – констатировал потомок запорожцев. – Надо было сначала этого урода железного повыспрашивать, зачем он к нам в этот раз приперся, а уж затем приказы отдавать. – И расстроено махнув рукой, Пацук отправился одеваться.

В кубрик он вернулся как раз к сигналу подъема и о визите Черментатора решил никому не рассказывать. Во-первых, потому, что ничего экстраординарного в этот раз не произошло. А во-вторых, Микола еще отчетливо помнил, что случилось в прошлый раз, когда Черментатор предстал перед миром в облике зеленого черта. Сейчас повторения той истории есаул не хотел и уж меньше всего желал выслушивать приколы о том, что именно они с киборгом делали в одной душевой комнате.

Все без исключения «икс-ассенизаторы» давно заметили ранние пробуждения Пацука. Однако причины его бессонницы выяснять не стали хотя бы потому, что после появления на базе Сары Штольц Микола стал безмерно раздражителен и на любой вопрос огрызался, как цепной кобель на похитителей припрятанной им мозговой косточки. Ну а что касается самой Сары, так она делала вид, что данного конкретного есаула в природе не существует. Да и вообще звание это упразднили, казачество распустили, а Украина и вовсе на карте мира не значится. В общем, история повторялась, и радовать это никого не могло. Пацук с Сарой, судя по всему, в ином состоянии, кроме как кошка с собакой, существовать просто не могли. Антагонизм в чистом виде.

Но в это утро Микола был настолько задумчив из-за встречи с Черментатором, что позабыл о взаимной неприязни с израильской разведчицей. Он даже не огрызнулся, когда девушка, по привычке делая вид, что Пацук – пустое место, проходя через комнату, задела его плечом. Сара, ожидавшая каких-либо колкостей в ответ на свое поведение, удивленно застыла и пару секунд смотрела в спину украинца. Но Микола и на это внимания не обратил. Все его мысли занимали Черментатор и причина его визита на базу «икс-ассенизаторов». Тем более с такой странной формулировкой, как «прохождение испытания по взаимодействию и так далее». Это очень не нравилось Пацуку. Но тут, как говорится, «нравится – не нравится, терпи, моя красавица», и Миколу ничего другого не оставалось, как терпеть и ждать дальнейшего развития событий. Которые, впрочем, не заставили себя долго ждать. Едва Микола окончательно пришел к мысли о терпеливом ожидании, как взвыла сирена тревоги и голос Раимова прогрехотал на всю базу:

– Внимание, боевая тревога! Всем агентам срочно прибыть в штаб. Два раза повторять не буду!..

* * *

Космос. Год полностью не соответствует земному. Окраина Галактики, но не Солнечная система, это точно. Системы вообще никакой нет, и все звезды разбросаны как попало. Время корабельное, равное Гринвичу, но исчисляемое от альфы Центавра со склонением в пятьдесят миллисекунд. Кто не понял, пусть просто посмотрит на часы!..

Звездолет странной формы вынырнул из гиперпространства в обычный космос без шума, цвета, запаха и вкуса. Просто взял да и появился из ничего, даже не постучавшись. По форме он походил на кучу металлолома на городской свалке, где кузов старого «Запорожца» соседствует с остовом газовой плиты, а джентльменский набор утюгов, начиная от угольного, заканчивая паровым, находится рядом с чугунным радиатором и колесами от «Кировца». Разработано данное чудо техники было полгода назад в городе Королеве, изготавливалось в строжайшей тайне на орбите Луны и спущено со стапелей совсем недавно. Назывался звездолет «Ястреб-1» и был предназначен для ведения боевых действий в открытом космосе.

Знали о существовании этого шедевра космического кораблестроения считанные единицы: Президент России, министр обороны, пара ученых, которые корабль разрабатывали, да несколько десятков китайцев, собиравших звездолет на орбите. Последних, правда, можно было не считать, поскольку они хоть и являлись подданными Азиатского союза, но жили на бывшей лунной базе трунарцев и связь с Землей поддерживали исключительно через российских операторов. К тому же и не знали эти китайцы, что именно они строили в космосе.

Было еще несколько человек, осведомленных о «Ястребе» и возложенных на него функциях. Но их тоже в расчет можно не принимать. Все эти люди находились на борту звездолета и являлись членами команды. Некогда все они числились дублерами «икс-ассенизаторов», но теперь по настоянию министра обороны именно эти люди, возглавляемые капитаном Орловым, и стали отрядом, призванным решить проблему мятежа на Лоне. Чем, естественно, несказанно гордились.

После совершения «Ястребом» гиперпространственного скачка все семеро членов группы очень медленно и весьма неохотно выходили из состояния анабиоза, дабы начать работу непосредственно на месте происшествия. Первым, естественно, проснулся капитан Орлов, а затем к жизни стали возвращаться и остальные. Все они имели безупречный послужной список, не раз участвовали в секретных операциях, проводимых не менее секретными службами, и по уровню интеллекта не очень сильно отличались от дубового пенька, что вполне должно было гарантировать защиту от ментального воздействия пришельцев.

В определенной степени интеллектуалами среди них были лишь сам Орлов и его заместитель, лейтенант Боков, со школы помнивший, что Ньютон считается физиком, а Мария Склодовская-Кюри – женщиной. Кроме того, и Боков, и Орлов были обучены управлению навигационными системами полностью автоматизированного корабля и вполне могли нажать нужную кнопку, чтобы вернуть «Ястреб» на Землю. Остальные пятеро являлись членами боевой группы, и именно они должны были найти и захватить Вроома, столь ненавистного новому правительству Трунара и землянам особенно.

Должны... Но вот тут-то и возникли проблемы. Для того чтобы начать охоту за свергнутым президентом, поднявшим мятеж, нужно было прилететь на Лону. А вот этого корабль делать совсем не хотел. Орлов с Боковым удивленно и недоумевающе смотрели на приборы, показывающие, что «Ястреб» вынырнул совсем не в том месте и до искомой планеты лететь еще минимум пятьдесят световых лет.

– Это сколько же в пересчете на обычные года? – наморщил лоб Боков.

– Не напрягайся, – осадил его капитан. – Этого времени хватит для того, чтобы все мы четырнадцать раз умерли и даже наши кости превратились бы в пыль. Что-то начудили ученые. Сейчас я еще раз все проверю, и если ничего не изменится, то будем возвращаться домой. А ты пока отойди и не путайся под ногами.

Приученный к дисциплине Боков козырнул и отошел от пульта управления, присоединившись к пятерым боевикам, расположившимся в креслах позади одного. Вся группа с нетерпением ждала, что скажет капитан. И, судя по его ворчанию, результаты были неутешительны: корабль на место выполнения задания не прибыл! Ошибочка вышла.

– Что ж, будем возвращаться, – пожал плечами Орлов и потянулся к пульту, чтобы перенастроить приборы, но сделать этого не успел. На корабле взвыла сирена, и прямо по курсу «Ястреба» появились три силуэта незнакомых космических кораблей.

– Нас атакуют, – сухо констатировал корабельный компьютер, а вот Орлов был не столь спокоен.

– Занять места у орудий согласно боевому расписанию! – завопил он, но было уже поздно. Впрочем, поздно было уже тогда, когда экипаж начал выходить из анабиоза.

Звездолет землян уже ждали. Министр обороны, проявивший патриотизм столь не вовремя, вместе с учеными из Королева, естественно, не могли знать, что гиперпространственный координатор на Лоне, да и в любой другой звездной системе, можно легко перенастроить. Что пришельцы и сделали!

Едва получив сигнал, что на Лону через гиперпространство устремился неизвестный корабль, мятежники перенастроили координатор так, чтобы он выбросил незваных гостей в обычное пространство в ближайшей звездной системе, оборудованной для приема кораблей из гиперпространства. А затем, как только звездолет землян вышел в нормальную Вселенную и стали ясны точные координаты его выхода, к земному звездолету были переброшены четыре тяжелых боевых корабля космических сил Лоны. Они-то и возникли около звездолета Орлова.

«Ястреб», конечно, на данный момент был чудом земной техники, но до кораблей пришельцев ему было далеко. И все из-за того, что, боясь утечки информации за рубеж, многие данные, полученные группой ученых на базе «икс-ассенизаторов», вообще не рассекречивали. Конструкторы в Королеве получили лишь тот минимум данных, который был нужен для оснащения корабля гиперпространственными двигателями и новейшими средствами вооружения. Большого «Ястреб» не мог. И когда корабли инопланетян нанесли по нему мощнейший электромагнитный удар, сбивший работу почти всех приборов на звездолете, защититься землянам было нечем. Аварийные системы смогли-таки включиться через пару минут после начала атаки, но к тому времени корабль землян уже был намертво заблокирован между четырьмя вражескими звездолетами. Приехали, что называется!..

* * *

Земля. Год – между прошлым и будущим. Место, где тихо и мирно жили люди, пока военным не стукнуло в голову бороться с пришельцами. Время – тревожное. Сигнал тревоги только что прозвучал...

«Икс-ассенизаторы» уже привыкли, что учебных тревог на их базе просто быть не может. Любой сигнал тревоги, даже просто случайно нажатый Раимовым, в итоге превращался в настоящее светопреставление. Услышав сирену, спецназовцы ни о чем не размышляли, позволив работать рефлексам. И лишь когда все пятеро оказались в оружейной и взгромодили на себя множественное снаряжение настоящего «икс-ассенизатора», вся группа дружно сообразила, насколько необычна тревога сегодняшняя.

Все-таки в штаб по тревоге вызывают, как правило, совсем не тогда, когда кого-то немедленно нужно прикончить. В штабах обычно раздают задания, и лишь после этого бойцы получают необходимое снаряжение. И никак не наоборот! Однако менять что-то было уже поздно, и вся пятерка в полном вооружении помчалась в гости к Раимову.

Подполковник, конечно, встретил бойцов с распростертыми объятиями, радостным блеском в глазах и распахнутыми для отборного мата губами. Командир базы как-то не рассчитывал, что к нему в штаб ввалится орава вооруженных до зубов людей лишь для того, чтобы выслушать последние, пусть и безрадостные вести. Но, машинально взглянув на часы, подполковник понял, что бойцов за проявленную прыть нужно не ругать, а хвалить. Поэтому материться Раимов не стал, хотя по инерции что-то нечленораздельное и пробурчал под нос. Но и хвалить бойцов командир базы не решился, дабы они излишне не зазнавались, внимательней приказы начальства слушали, да и в целом несли службу исправнее.

– Вы гермошлемы снимете или мне к рации пересесть? – поинтересовался у «икс-ассенизаторов» Раимов, хмуро глядя в черные поляризованные забрала, за которыми скрывались лица бойцов.

Естественно, к рации подполковнику подходить не пришлось. Однако и спецназовцы не сразу от шлемов избавились.

Поначалу, как Раимов и предполагал, Пацук ляпнул что-то непотребное. Ну не мог Микола, находясь рядом с командиром и зная, что тот его не слышит, не сказать о начальстве какую-нибудь гадость! Украинец, и когда Раимов слышал, не упускал случая, чтобы командира подколоть, а уж тут и сам бог ерничать велел.

– Агент Пацук, два наряда вне очереди, – устало вздохнул Раимов, как только бойцы избавились от гермошлемов.

– Мама моя, ридна Украина! До чего ж батька сегодня милостивый! – Казалось, есаул собрался бухнуться в ноги подполковнику, хотя смотрел он на сослуживцев. – Вот ведь воно ж как бывает! Я-то вам сказал, что он мне пять нарядов даст, а тут всего два. – И все-таки в ноги Раимову украинец бухнулся. – Прости меня, батько, что так плохо думал о тебе!

– Прекрати цирк, мать твою в собес дотации выбивать! – рявкнул маленький подполковник, с невероятной легкостью подняв Пацука с пола. – Встать всем в строй! Р-р-распустились вы, как я посмотрю. Но ничего, я этот дефект исправлю. По струнке ходить будете и спать по линейке станете. – Возражений не последовало, и запал подполковника куда-то пропал. – Ладно, с вашим уровнем дисциплины разберемся потом, – буркнул Раимов. – Садитесь. Сейчас расскажу, зачем я вас сюда вызвал. Буквально полчаса назад ко мне поступила секретная информация...

В этот раз Раимов обошелся без пафоса и бравурных ноток. Его рассказ о том, что произошло с группой Орлова, был сух и максимально сжат. Может быть, все это случилось оттого,

что подполковник не обладал нужным количеством информации или просто был сильно расстроен. Подробности остались неизвестны науке. Сообщил он бойцам лишь то, что группа спецназовцев под командованием капитана Орлова вылетела в систему Лоны, где бесследно исчезла, успев передать напоследок лишь то, что их атакуют.

– Ваша первоочередная задача – выяснить, что именно произошло с группой, – подвел итог своей чрезвычайно краткой речи Раимов. – Какие будут предложения?

– А какого хрена они вообще туда полезли, еври бади?! – откровенно удивился Шныгин. – Ведь даже с локационной системой инопланетян, блин, ученые еще не разобрались!

– Приказ, видимо, такой был, – пожал плечами Зибцих. – А приказы в армии любой страны, как известно, не обсуждаются. Тем более в спецслужбах...

– Да за такие приказы у нас офицеров еще со времен Вьетнама под суд отдавали! – возмутился Кедман, стукнув своим огромным черным кулаком по коленке.

– То-то весь свет видел, как вы потом в Иране свои собственные войска и бомбили, и обстреливали! – тут же съязвил Пацук, несмотря на то что Украина до сих пор собиралась вступить в НАТО. Капрал, конечно, захотел оправдать своих соотечественников, но сделать этого не успел.

– Мо-олчать! – рявкнул Раимов. – Вы мне тут еще Наполеона, Александра Невского и войну за независимость вспомните. Вместе с Октябрьской революцией. Я вас вызвал сюда, чтобы выработать совместный план действий по спасению группы Орлова...

– Если там кто-то остался жив, – тихо проговорила Сара. Все повернулись к ней. – Что вы так смотрите? Мятежники ведь предупреждали, что любой космический корабль, вторгшийся в их систему, будет уничтожен.

– Они говорили о трунарских кораблях. Поэтому есть надежда, что наш мятежники захватят хотя бы для того, чтобы изучить его, – поправил ее подполковник и прокашлялся. – Так вот, если вы не хотите устроить тут совет, то я могу просто отправить вас в кубрик, а затем отдам приказ, согласно которому и будете действовать...

– Если что-нибудь опять не случится со связью, – буркнул себе под нос Пацук. И на этот раз так тихо, что никто, кроме Зибциха, его не услышал.

– Что ты там бормочешь? – подозрительно поинтересовался Раимов. – Еще нарядов захотел?

– Никак нет! – гаркнул есаул, тряхнув оселедцем. – Я, товарищ подполковник, говорю, что москалям нечего было соваться неизвестно куда. Тогда бы все целы были. А то воно ж знаете, что бывает, когда москаль вперед вылезти хочет?..

– Государственная граница России будет тогда проходить по Бугу и Дунаю, – перебил Пацука Шныгин. – Впрочем, все западенцы могут самостийно присоединиться к Молдове. – Затем повернулся к Раимову: – Товарищ подполковник, можно заставить ученых работать побыстрее? А то и мы сгинем ни за грош. Нас-то уже выручать будет некому.

– А что вообще с тем звездолетом произошло? – поинтересовалась Сара. – Можно узнать подробнее?

– Подробности с гулькин нос, – буркнул Раимов. – Просто по гиперпространственной связи поступило сообщение от группы: «Нас атакуют!» Больше ничего не было, и установить с кораблем контакт не удалось. В штабе с вероятностью в девяносто процентов считают, что звездолет погиб. Нам нужно выяснить, как обстоят дела на самом деле, попытаться собрать максимум информации о Лоне, не сядя на планету, и вернуться назад, чтобы доложить о проделанной работе.

– То есть, сэр, вы хотите сказать, что группу Орлова спасти не нужно? – удивленно вскинул брови Кедман.

– Какой умный мальчик! – фыркнул Раимов. – Мне поступил строжайший приказ сверху, чтобы вы не вступали ни в какие контакты с пришельцами. В том числе и в боевые столкно-

вения. Вы должны лишь отсканировать поверхность планеты издалека, сделать фотографии звездной системы Лоны, чтобы ученые могли понять, появились ли новые космические объекты внутри нее. Обломки космического корабля, например. Затем вы вернетесь, и на основе собранных вами данных наверху будет разрабатываться дальнейший план действий...

– Они уже для Орлова, блин, разработали, – буркнул Шныгин.

– Отставить р-разговорчики! – рявкнул на него подполковник, а затем проговорил уже мягче: – Если бы я намеревался беспрекословно выполнить этот приказ, то не собрал бы вас здесь. Я хочу внести в него коррективы, о которых вышестоящему начальству совсем не обязательно знать. И вот об этих коррективах давайте и подумаем вместе...

Думать можно было сколько угодно, но решение поставленной задачи упиралось в то, сможет ли дуэт Зубов – Харакири противопоставить хоть что-нибудь достижениям трунарской цивилизации в области дальней локации. К тому же было известно, что звездолет Орлова мятежники вывели из строя почти мгновенно после его появления из гиперпространства. А это означало, что трунарским координатором на Лоне пользоваться очень опасно. Что само по себе ставило перед группой новый вопрос: а как вообще попасть на Лону или в ее окрестности?

Именно на этом вопросе дискуссия и утасла. Ни «икс-ассенизаторы», ни их командир понятия не имели о том, как разрешить две эти проблемы. Требовалось присутствие ученых, и Зубова с Харакири немедленно вызвали в штаб.

Однако явился только профессор, как всегда, безобразно лохматый и суматошно размахивающий руками. А когда Раимов удивленно посмотрел на него, Зубов тут же пояснил:

– Занят он. Схему диффузии электромагнитных потоков регулирует. Сейчас его от настройки отрывать нельзя. Ошибка в микрон, и вся недельная работа пойдет насмарку. Спрашивайте у меня. Я все объясню!

– Вот и замечательно, – недовольно проворчал Раимов, так и не сумевший понять, как это ученые могут из-за каких-то там схем игнорировать вызовы к начальству. – Тогда подскажите нам, профессор, как попасть на Лону, не пользуясь ее координатором гиперпространства, и как добраться до планеты, пройдя незамеченным через плотную систему локационного обнаружения, задействованную мятежниками?

– Вот как раз над последней частью вашего вопроса сейчас и работает Хиро Харакири, – кивнул головой Зубов. – Очень талантливый молодой человек. Буквально на лету понимает все мои идеи и расчеты делает даже быстрее, чем я. А однажды, вы не представляете, во время партии в преферанс...

– Профессор, пожалуйста, ближе к делу! – перебил его Раимов, почувствовав, что ученого понесло. – Так что там с локационными системами?

– Все очень просто, – заверил подполковника Зубов. – Все дело в одном из контуров гиперпространственного двигателя инопланетян, воздействующего на пространственную структуру Вселенной. Проблема в том, что система локации трунарцев практически непреодолима. Она мгновенно реагирует на любые изменения в структуре Вселенной вплоть до субатомного уровня. Пока корабль в гиперпространстве, он, конечно, в полной безопасности. Но стоит ему только вынырнуть в звездной системе, оснащенной трунарскими локационными средствами, и попался, голубчик, как кур в ощи! Вот это мы с Хиро и решили использовать.

– Ловить кур, сэр? – оторопело поинтересовался Кедман, совсем растерявшийся под напором научных терминов.

– Садитесь, два! Как ваша фамилия, студент? – поинтересовался Зубов и тут же повернулся к Раимову: – Это не тот мальчик, которому я прочил большое научное будущее?

– Не отвлекайтесь, профессор! – отрезал подполковник. – Так что там с контурами, локационными системами и курами?

– С какими курами? – оторопел, в свою очередь, Зубов.

– С ощи! – рявкнул Раимов, теряя терпение.

– И кому, извините за выражение, понадобилось их щипать? – Ученый наотрез отказывался понимать, о чем говорит ему офицер.

– Вам!!! – Подполковник от полноты ощущений даже стукнул кулаком по столу.

– Ощипывать кур? Мне?! Ну, извините, уважаемый, это наглость! – теперь завопил уже и Зубов. – Я вам не кулинар, а профессор математики, почетный член Британской и Российской Академий наук, председатель...

– Мо-о-олчать!

Откуда, из чьего именно чрева произошел этот утробный рев, поначалу не понял никто. Просто невероятно громкий крик заполнил собой всю комнату, временно дезориентируя всех присутствующих на собрании. Ну а затем, когда наступила тишина, Раимов, осознав, кто кричал, едва не проглотил собственную фуражку и брелок с ключами от старого «Москвича». Зубов перестал размахивать руками, чего с ним еще ни разу в жизни не было, а у большинства «икс-ассенизаторов» открылись от удивления рты. И лишь Пацук то ли с гордостью, то ли с горечью фыркнул:

– Она и еще громче может орать.

– Извините, пожалуйста, что отвлекла вас от увлекательной дискуссии, но, по-моему, вы немного удалились от темы, – снова сделав вид, что Пацука не существует, обратилась к командиру и профессору Сара Штольц. – Будьте добры, господин Зубов, повторите еще раз, как контур гиперпространственного двигателя влияет на трунарскую систему локации? И, пожалуйста, извините за бестактность.

– Ну и голосок! – немного придя в себя, восхитился Шныгин. – Да с таким голосом можно без рации и телефона корректировать огонь артиллерийского дивизиона...

– Р-разговорчики! – прикрикнул на старшину Раимов, но как-то вяло. А затем обернулся к Зубову: – Профессор, вы ответите на вопрос дамы?

– Да-да, конечно, – торопливо кивнул головой тот и вновь начал размахивать руками. – Так вот, мы с уважаемым Харакири поняли, что при помощи этого контура можно создавать вокруг звездолета гиперпространственный кожух. То есть иллюзию того, что космический корабль уходит в гиперпространство. И в первую очередь сделать это возможно путем искажения структуры электромагнитных полей, исходящих от самого звездолета...

– То есть, профессор, локационная защита Лоны преодолима? – не желая углубляться в научную терминологию, перебил Зубова подполковник.

– Теоретически – вполне! – кивнул головой профессор. – Сейчас Харакири устанавливает на одном из трофейных космолетов аппаратуру для создания гиперпространственного кожуха... Кстати, я назвал его своим именем. «Кожух Зубова». Звучит? – И, не дождавшись ответа, махнул рукой. – Ну и ладно! Пилот выведет космолет на орбиту Земли и активизирует кожух, а мы попытаемся засечь эту «летающую тарелку» при помощи всего оборудования, которое имеем в наличии. Кстати, господин Раимов, нужно связаться с Пулковской обсерваторией и попросить их помочь нам в обнаружении подопытного объекта...

– Сделаем, – кивнул головой подполковник. – Соберите мне всю нужную для этого опыта информацию, а я ее передам куда следует. А пока скажите, как попасть на Лону, не пользуясь ее гиперпространственным координатором?

– Извините, батенька, вы слишком многого от меня хотите! – развел руками профессор. – Способов, конечно, много. Но вас они не устроят хотя бы потому, что на одни ни у вас, ни у ваших детей, внуков и правнуков времени не хватит, а другие слишком опасны для жизни.

– Вы правы, меня это совершенно не устраивает, – буркнул Раимов. – И поэтому вам нужно в течение двух дней найти способ, как войти в систему Лоны без помощи тамошнего координатора.

– А к чему такая срочность? – удивленно поинтересовался профессор.

– Несколько граждан России попали в плен к мятежникам. Их нужно спасти, – коротко ответил командир.

– Вот как? – хмыкнул Зубов. – Что ж, придется постараться... Кстати, чтобы не мешать моей работе, не включайте больше эти ваши дурацкие сирены. Они меня с мыслью сбивают.

– А действительно, товарищ подполковник, зачем вы тревогу подняли? И что срочного было в нашем собрании? – поинтересовался у Раимова Пацук, и подполковник в ответ мог лишь пожать плечами. Дескать, сработал рефлекс на приказ командования...

Глава 3

Космос, и не только. Противоположная окраина Галактики. Какой тут год, никто не знает, да никто и не спрашивает. Звездная система, известная пришельцам под непечатным названием. Для землян – окрестности Лоны. Местное время: утро.

Изобретение Зубова – Харакири, названное «кожухом Зубова», хотя еще неизвестно, кто в большей степени был его автором, работало. Причем работало довольно неплохо. Первый опыт почти полностью провалился, но затем Хиро что-то подкрутил, что-то подчистил, кое-что изменил, и система проявила себя во всем блеске. Двухместную «летающую тарелку», ведомую штатным пилотом «икс-ассенизаторов» Николаем Мухиным, не удалось засечь никакими приборами, за одним небольшим исключением: визуально «тарелка» никуда не делась! Ее силуэт размазывался, мерцал и иногда практически полностью терял очертания, но если знать, куда смотреть, найти «тарелку» было довольно легко. Зубов обещал исправить и этот дефект, но говорил, что сможет сделать «тарелку» полностью невидимой лишь месяца через два. А это, естественно, никого не устраивало! Поэтому пока решили оставить все как есть. Главное, что никакие приборы на движение «летающей тарелки» не реагировали.

Труднее всего было с прыжком через гиперпространство. Как ни старались земные ученые, но способа надежней и безопасней, чем использование координатора выхода, придумать они не могли. Может быть, просто оттого, что земляне еще слишком мало знали о гиперпространстве. Может быть, и по какой-то другой причине. Но вторые сутки подходили к концу, а решения ни у Зубова, ни у Харакири не было. Раимов рвал и метал. И если бы перед его носом ученые не захлопнули дверь лаборатории, велел вернуться тогда, когда истечет указанный срок, он бы каждые десять минут интересовался у Зубова, как идут дела. Впрочем, подполковник попробовал это делать и по внутренней связи, но Харакири по приказу профессора просто перерезал провода. На этом вмешательство Раимова в научный процесс и закончилось.

Бойцы также с нетерпением ожидали, что же смогут придумать ученые. Не потому, что торопились спасти пропавшую группу Орлова. Как раз в то, что отправленные на Лону спецназовцы живы, не верил почти никто. Но все «икс-ассенизаторы» помнили, как Орлов помог группе во время переворота на Трунаре, и отомстить за его смерть считали своим долгом. Да и засиделись «икс-ассенизаторы» без дела. Конечно, тренажерный зал и занятия у доктора Гобе можно было считать каким-то разнообразием в серых буднях, но каждому из пятерых хотелось принять участие в настоящем деле. И когда Зубов вечером второго дня выбрался из лаборатории и сказал, что проблема гиперпрыжка на Лону решена, торжествовали все. Вот только радовались они недолго.

– То есть теоретически решена, но я сомневаюсь, что это осуществимо на практике, – тут же сделал дополнение к своему заявлению Зубов. – А все потому, что наше открытие основывается на факторе, о котором ученые Земли, да и Трунара, имеют очень приблизительное представление. А именно на факторе времени...

Дальше Зубов пояснил, что Харакири предложил использовать еще один контур гиперпространственного двигателя, отвечающего за временную величину. Согласно исследованиям трунарцев, время как постоянный фактор существовало только в обычной Вселенной и совершенно менялось в гиперпространстве, приобретая едва ли не противоположные качества. А то, что у времени имеются и качества, и свойства, трунарцами было доказано! Профессор не стал вдаваться в подробности этих исследований, а сообщил лишь то, что Харакири хочет установить на корабле землян второй временной контур.

– То есть, говоря простым языком, координатор выхода получает данные о том, где и когда в его зоне должен появиться из гиперпространства корабль, и подправляет его выход, чтобы тот не попал в опасную зону, – закончил свою речь Зубов. – Харакири хочет сделать так, чтобы координатор правильно понял «где», но неверно воспринял «когда». И к тому времени, когда он придет к месту вашего выхода патрульные корабли, вас там уже не будет.

– То есть мы совершим прыжок во времени, сэр? – поинтересовался Кедман. – Как в фантастических фильмах?

– Никакого прыжка вы не совершите, – отмахнулся от него Зубов. – Просто координатор будет думать, что вы прибываете, допустим, в девятнадцать ноль-ноль, а на самом деле вы появитесь в восемнадцать тридцать. Примерно полчаса у вас останется на то, чтобы где-нибудь спрятаться. А затем уже действуйте, как сочтете нужным. Вот только я не уверен, что уловка сработает. Мы слишком мало знаем о времени, чтобы помешать координатору с расшифровкой информации. Скорее всего он вообще не воспримет импульс со второго контура.

– И что произойдет тогда? – поинтересовался Шныгин.

– Тогда вы попадете туда, где вас уже ждут, как ждали корабль Орлова, – буркнул профессор. – В этом случае вам придется побыстрее выходить из анабиоза, поскольку мы настроим автопилот так, что если вы не отключите его через пять минут после выхода из гиперпространства, то он автоматически зашвырнет вас обратно на Землю. Это все, что мы можем сделать.

– Вполне достаточно, чтобы попытаться, – констатировала Сара, и все удивленно уставились на нее. Уж что-то слишком боевито стала выглядеть девица после своего возвращения на базу. Не к добру это!..

Впрочем, спорить с сержантом Штольц никто не стал. Бойцам действительно не терпелось заняться настоящим делом, и они готовы были рискнуть. Правда, уверенность в грядущем успехе «икс-ассенизаторов» немного поубавилась, когда они узнали, что никто из учеников в новую экспедицию с ними не отправится. Риск был слишком велик, и командование не хотело бросать лучшие умы планеты в горнило боевой операции. Но расстраивались спецназовцы недолго. Зубов сразу объяснил, что управление космолетом они максимально упростили и сделать так, чтобы корабль вернулся домой, сможет даже шестилетний ребенок. После соответствующего обучения, естественно. И вот на это обучение было потрачено все оставшееся время вечером и половина следующего дня.

Старт корабля был намечен на двенадцать по Москве, но отлет задержали на час по причине того, что Раимов никак не мог придумать, как благословить бойцов в дорогу. Крестить «икс-ассенизаторов» не позволяла собственная вера подполковника. Да и как их окрестишь, когда в группе наличествуют не только православные, но еще и католики с протестантами и иудеями? Трижды облобызать – выглядело бы по-дурацки. К тому же не все бы эти поцелуи правильно поняли. Читать прощальную речь Раимову казалось слишком банальным, а уж совсем без напутствия отпускать бойцов не хотелось. Вот и думал подполковник целый час, что же ему делать, и в итоге остановился на том, что просто пожал каждому руку, похлопал по плечу и пожелал ни пуха ни пера.

Кедман, которого русская бабушка, видимо, совсем плохо учила, смысл этой фразы не понял и начал выпрашивать у стоявшего по соседству Шныгина, а на фига им вообще в космосе пух и перья, чем едва не испортил всю торжественность момента. Хорошо, что церемонии прощания спас банальный пинок по ноге, безвозмездно подаренный Сергеем капралу. Уж этот знак, всегда и везде означавший вежливую просьбу заткнуться, американец понял и вовремя решил оставить свои расспросы до более подходящего момента, который, впрочем, так и не наступил.

Старт, выход на земную орбиту и прыжок через гиперпространство прошли по обычному сценарию, без сбоев, нарушений и прочих несуразностей, которые, конечно, способствуют выбросу хорошей дозы адреналина в кровь, но никак не поощряются военными всего мира. Да

и пробуждение протекало без эксцессов, поскольку в этот раз капсулу командира занял Шныгин, уполномоченный подполковником на должность ответственного за выполнение задания. Правда, поначалу старшина очень тяжело выходил из анабиоза, никак не желая просыпаться, но затем сработали рефлексy. Вспомнив, что у него есть всего пять минут для отключения системы аварийного возвращения, Сергей выскочил из капсулы будто ужаленный и помчался к пульта управления космолетом. Приборы «тарелки», так и оставленной трунарцами безвозмездно в пользование землян, показывали, что вокруг никого нет, да и экраны видеообзора подтверждали сей факт. Старшина немного успокоился, решив, что аппарат Харакири сработал, отключил аварийное возвращение, но до того момента, пока в рубку не вошел проснувшийся пилот Коля Мухин, от пульта не отходил.

– Следи за приборами, – приказал ему старшина, будто пилот и сам не знал, что делать. – И вообще, уводи корабль отсюда, еврей бади! Прячь, блин, нас за какой-нибудь каменюкой поблизости. Вон их сколько вокруг болтается...

Пилот слегка поморщился от того, что пешеходный старшина так раскомандовался, а от него даже и запереться негде, и по привычке поискал взглядом полуторалитровую бутылку с самогоном. Затем, вспомнив, что в космос такие штучки брать запрещено строжайше, снова поморщился и вдобавок горестно вздохнул. Оставалось только разобраться, какими приборами напичкан пульт управления космолетом.

Часть из них была вполне привычна, например, датчики температуры и давления, а для того, чтобы вспомнить предназначение остальных, обычному земному летчику-испытателю, некогда в спешке переквалифицировавшемуся в космонавты, пришлось напрячься. Но к тому моменту, когда Шныгин со товарищи вернулись в рубку, пилот уже разобрался в функциональных задачах большинства приборов.

– Мы еще здесь?! – посмотрев на экраны периферийного обзора, удивился старшина.

– Уже отбываем, – буркнул Мухин, наклоняясь над пультом. – Прошу пассажиров занять свои места и пристегнуть ремни. А для тех, кто плохо переносит внезапную невесомость, припасены пластиковые пакетики в ручках кресел. Для опорожнения желудка голову полностью погружать в пакет.

Две последние фразы оказались для «икс-ассенизаторов» полной неожиданностью. Дело в том, что в невесомости они бывали лишь один раз, когда летели на Луну для выполнения своей первой космической операции. Тогда ученые еще не могли разобраться с аппаратами искусственной гравитации и даже не понимали, для чего эти самые механизмы внутри «летающей тарелки» предназначались. Затем, в первую очередь благодаря захвату спецназовцами базы данных лунного координатора, проблема искусственной гравитации на космических кораблях была решена и аппаратура благополучно функционировала до сего момента.

– Не понял! – возмутился Кедман, который из-за своей природной неторопливости крайне не любил оказываться в положениях, когда не совсем ясно, с какой стороны находятся верх и низ. – Это что еще за шутки?!

– А это я Алибабаевичу пожаловался, что в полете будет скучно, и он мне разрешил придумать новый аттракцион. Называется «Поймай афроеврея под потолком за нос», – сообщил Пацук и, прежде чем Кедман понял, шутка это или откровенное издевательство, повернулся к пилоту: – Действительно, откуда возьмется невесомость?

– Эх вы, шваль пешеходная! – оповестил спецназовцев об их истинной сущности пилот Коля, но, увидев под носом кулак Шныгина, несколько сбавил обороты. – Просто во время испытаний «кожуха Зубова» выяснилось, что приборы искусственной гравитации здорово сбивают настройку защитных систем и «кожух» практически не функционирует. Ваш умный японец пока занимается усовершенствованиями, а нам придется некоторое время пожить без веса.

Продолжать бойцам разъяснение технических подробностей пилот не стал. Вместо этого он отключил гравитацию, активизировал «кожух» и дал ускорение космолету, направляя его к

поясу астероидов. Только теперь бойцы, по крайней мере, те из них, кто не страдал отвращением к невесомости, смогли насладиться зрелищем новой звездной системы. Третьей, в которой побывало человечество. Пусть не все, но далеко не худшие его представители, это точно!

Система Лоны имела всего три планеты. Причем сама Лона как раз в центре и находилась. Ближе нее, по направлению к звезде класса G, располагались только пояс астероидов и маленькая, раскаленная докрасна планетка, висевшая в такой близости от местного светила, что едва успевала уворачиваться от верхушек звездных протуберанцев.

Последняя, третья планета системы, неподалеку от которой и выбрались из гиперпространства «икс-ассенизаторы», была отделена от Лоны двумя поясами астероидов. И если первый из них существовал в системе еще до появления на Лоне трунарцев, то об образовании второго они позаботились сами. Естественно, не намеренно. Просто во время добычи эллериума, которого на тогдашней четвертой планете было как промышленных отходов в Химках, произошло головотяпство, в результате которого началась цепная реакция и планету разорвало на кусочки. Вместе с добытчиками полезных ископаемых, разумеется.

О последних, впрочем, горевали не сильно. Во-первых, справлять поминки, растягивающиеся на пару месяцев, на Трунаре не принято. А во-вторых, там вообще спокойно относятся к смерти, поскольку на каждого члена общества имеется генетическая база данных и он может быть клонирован. Если начальство посчитает это необходимым, конечно.

А вот о потере величайших в исследованной части Вселенной залежей эллериума небесные горевали долго. Тогдашний президент Трунара и конгломерата планет и высказал при полном расстройстве чувств вслух то слово, которое стало названием третьей планеты. Когда-то на языке трунарцев оно означало некий их орган, но со временем слово отмерло, поскольку обычным способом размножалась лишь малая часть цивилизованного трунарского общества, то есть небесные. Остальные появлялись на свет исключительно химическим методом или банальным клонированием.

Вышеупомянутое слово президент Трунара озвучил по всеобщему телевидению, сказав нечто, что на русский литературный можно вольно перевести, как «планета разработок вернулась в лоно своей матери». А вот население конгломерата, позабывшее о подобной терминологии, решило, что так президент назвал новую планету, предназначенную теперь для добычи эллериума. Глава конгломерата планет почему-то разубеждать в этом их не стал. И теперь один из органов небесных был увековечен во Вселенной.

К огромному разочарованию небесных, новая планета оказалась далеко не так богата эллериумом, как предыдущая. То есть запасов этого энергонесущего вещества трунарцам хватило бы всего лишь на пару тысячелетий, а не на полторы сотни, как на четвертой планете. Зато на Лоне, имевшей кислородную атмосферу, вести работы было немного проще. Там трунарцы и организовали колонию, теперь поднимающую бунт.

Цепная реакция на Четвертой планете уничтожила не все запасы эллериума. Некоторая часть этого крайне ценного и единственного на Трунаре энергонесителя осталась на обломках планеты, ставшей поясом астероидов. Пока правительство разработку там не вело из-за сложности и ненадобности оной в данный момент. А вот всякие антиправительственные элементы, которые в любые времена, при любом строе и в каждой цивилизации присутствовали, присутствуют и будут существовать, эллериумом с астероидов не брезговали. Скрывающиеся от правосудия преступники то и дело начинали разработки эллериума на поясе астероидов и вели их до тех пор, пока какой-нибудь патруль не накрывал нарушителей закона и не препровождал этих деятелей в ближайшую тюрьму.

Земляне, впрочем, об этом ничего не знали и могли просто любоваться звездной системой с тремя планетами и тремя поясами астероидов вокруг местного солнца, которое не слишком изобретательные на названия трунарцы именовали просто и лаконично – Светильник. На периферийных экранах эти планеты, за исключением третьей, выглядели лишь точечками,

чуть более яркими, чем остальные звезды, а пояс между первой и второй казался россыпью сверкающей пыли, но для тех, кому не хватало воображения представить картину целиком, на борту «летающей тарелки» имелся специальный экран, изображавший схематично всю систему Лоны и каждый объект, находящийся в космическом пространстве внутри ее границ. Были там и звезда, и планеты, и пояса астероидов, и сам корабль землян. А едва пилот сдвинул «летающую тарелку» с места, как появились еще четыре точки, направлявшиеся от Лоны в сторону того места, где недавно корабль землян вынырнул из гиперпространства.

– А вот и гости. То бишь хозяева, – констатировал летчик-испытатель-космонавт, указав рукой на схематичный экран. – Похоже, «кожух» я включил вовремя.

– Убью, еври бади, если это окажется не так, блин! – пообещал старшина и пристально уставился на экран монитора.

Около двух часов прошло в напряженном ожидании. Космолеты мятежников двигались, совершенно ничего не опасаясь, и направлялись прямо к той точке, в которой недавно находилась «летающая тарелка» землян. Судя по всему, расчет Харакири был практически верен. Более того, японец дал им не полчаса времени, чтобы успеть найти укрытие, а значительно больше. И тратить его впустую «икс-ассенизаторы» явно не собирались.

Впрочем, сейчас от них зависело не так уж много. Судьба всей операции в данный момент была в руках пилота, и лишь его мастерство решало, сумеют ли бойцы уцелеть в игре в кошки-мышки с космофлотом мятежников или в поясе астероидов появится новый элемент, состоящий из оплавленного металла, начиненного биологической массой. Другого быть не могло, поскольку «икс-ассенизаторы» сдаваться в плен не собирались.

Но пока ни о какой грандиозной космической битве или о сражении меньших масштабов речи не шло. Пилот Мухин на удивление виртуозно лавировал между крупными астероидами, позволяя энергетической защите отражать более мелкие. Несколько раз, во время самых экстремичных маневров, летчик бросал взгляды через плечо, надеясь получить похвалу в адрес своих талантов, но так ничего и не дождался. За его маневрами неотрывно следили только Шныгин и Сара, а остальные в это время занимались черт знает чем.

Зибцих, видимо, в силу привычки, принялся тщательно полировать бриллиантовые линзы лазерных ружей и зачищать контакты у запасных батарей, предназначенных для этого оружия. Пацук занялся своим оселедцем, тщательно укладывая пряди перед зеркалом, болтающимся в воздухе без какой-либо опоры, а капрал держал в одной руке бритву, а в другой – пластиковый пакет. Видимо, раздумывал, что стоит делать в первую очередь – опорожнить желудок или побриться. А может быть, просто хотел выкинуть в пакет надоевшую бритву, но никак не мог решиться на это. В итоге Джон плюнул и на то, и на другое и изо всех сил дунул в счастливый свисток. Все, кроме пилота, которому нервничать за штурвалом не позволял профессионализм, подскочили с места от этого свиста.

Сара и Зибцих, пристегнутые ремнями к креслам, подскочили только условно. А вот остальных, пренебрегших безопасностью, и в самом деле подбросило высоко вверх. Пацук и Шныгин, конечно, и без отсутствия гравитации могли бы долететь до потолка кабины из-за выходки Кедмана, а тут и вовсе заматались по салону, словно теннисные шарик в железной коробке. Микола умудрился пересчитать все четыре угла, а вот старшина успел зацепиться за оружейную турель и повис в воздухе, видимо, забыв, каким образом можно опуститься.

– Ты, свисток курский, хочешь, я засуну тебе твою дуделку в тоннель для вывода пищевых отходов? – поинтересовался у американца старшина. – Совсем очумел, блин, дуб мореный?

– Нет, воно не очумело. Это бабуинообразное животное просто хочет вылететь прямо из корабля в джунгли, – предположил Пацук, порхая по салону. – И я думаю, Репа, мы с тобой должны помочь афроеврею вернуться на родину. Немедленно! По крайней мере, уж открыть двери клетки и выпустить этого гамадрила на свободу мы просто обязаны.

– Да вы что, мужики?! – наивно изумился Джон. – Я же вам говорил, что у меня примета такая: перед операцией свистеть!

– Вот и хорошо, что ты свистнул, – согласился с ним старшина. – Примета сбудется. И через пару минут тебе придется делать операцию по извлечению свистка из глубины брюха.

– Да оставьте вы его в покое, – неожиданно вступилась за Кедмана Сара Штольц. – Что вы пристали к человеку? У самих нервы никуда не годятся, а кто-то в этом виноват. Какие из вас спецназовцы, если вы от простого свистка, как малолетки, описаться готовы?

– Ты глянь, москаль, как два еврея друг за дружку стоят! – присвистнул Пацук. – Давай-ка их не будем трогать, а то один свистит, как бешеный паровоз, а другая так гаркнуть может, что те, кто в трубы Апокалипсиса должны дудеть, загубниками подавятся! Знаешь, как воно бывает, когда два таких дурака вместе сойдутся?.. – поинтересовался Микола, но сам ответить на этот вопрос не успел.

– Тихо вы! – потребовал пилот Мухин. – Кажется, нас кто-то нашел. Или мы кого-то...

Скорость обычных радиоволн, как известно всем, равная световой, крайне недостаточна для космической связи.

Трунарцы уже давно отказались от радиоволн как средства общения между космическими кораблями и планетными базами.

При переговорах на дальних расстояниях они использовали гиперпространственные капсулы, или гиперсвязь – недавно открытое и не совсем понятное землянам средство.

А вот внутри звездных систем трунарцы пользовались для связи направленным энергетическим лучом. Скорость его каким-то еще непонятным земным ученым образом была намного больше, чем у радиоволн. Поэтому корабли общались друг с другом с относительно небольшой задержкой. На Земле эту методику практически нигде не применяли, но на «летающей тарелке» «икс-ассенизаторов» связь направленного луча (СНЛ) была установлена еще во времена владения этим кораблем трунарцами. Вот сейчас эта связь и заработала. Экран монитора покрылся рябью, а на пульте замигала красная лампочка, показывая, что кто-то домогается разговора с кораблем землян.

– Что делать будем? – поинтересовался пилот.

– А что тут думать? Если нас направленным лучом нашли, придется отвечать, – пожал плечами Шныгин и заревел: – Боевые расчеты, к орудиям!

Здесь все было расписано давно и подробно. Еще со времен операции на Трунаре «летающая тарелка» была оснащена тремя пушками. Башенным орудием, состоявшим из двух спаренных лазерных пушек, управлял снайпер Зибцих. Существенных повреждений вражеским кораблям с мощной броней нанести оно не могло, но зато прекрасно расправлялось с многочисленными и хорошо укрытыми от плазменных орудий датчиками, являвшимися зрением, слухом и обонянием космической бронетехники. Естественно, лучше снайпера с этим справиться никто не мог.

А вторая орудийная турель, управлявшая двумя мощными плазменными орудиями, расположенными по бокам «тарелки», досталась в подчинение Пацуку. И не только потому, что он очень неплохо стрелял. Шныгин был дублером пилота и по совместительству считался командиром корабля. В его задачи входило координирование работы всей команды. Сару Штольц почему-то к управлению орудиями не допустил Раимов, и она с Кедманом составили аварийно-спасательную команду. В их обязанности входила ликвидация пожаров, способных возникнуть на корабле во время боя, и отсечение безвозвратно поврежденных отсеков. То есть Сара должна была работать, а Кедман лишь таскал за ней громоздкое снаряжение. Ему же было поручено спасти девицу, если такая необходимость возникнет.

После приказа старшины «К бою!» все засуетились. Правда, поскольку в условиях неведомости действия боевых расчетов никто отрепетировать не догадался, поначалу возникла небольшая суматоха. Но через пару минут бойцы сориентировались и сумели занять надлежа-

щие места – Зибих с Пацуком у орудий, Сара схватила ствол огнетушителя, соединенный шлангом со специальным резервуаром на спине у Кедмана. Сам капрал держал в руках сейчас абсолютно невесомый чемодан со сварным и прочим необходимым во время аварий в космосе оборудованием и готов был помчаться в глубину «тарелки» по первому сигналу, а Шныгин разместился чуть за спиной пилота, глядя на мерцающий экран СНЛ.

– Врубай! – коротко приказал он пилоту, и на экране тут же появилась закрытая капюшон физиономия небесного. Предполагаемый враг что-то прокаркал, и универсальный переводчик услужливо сделал фразу общедоступной:

– Прошу вас не открывать огонь. Мы готовы сдаться и заявляем, что потеряли координацию во время гиперпространственного прыжка. Подскажите, в какой именно звездной системе мы находимся? – проскрипел небесный и тут же осекся. – Подождите! Разве вы не патруль с Лоны? Кто вы, скарабыр вас раздери?!

– Кто там нас должен разодрать? – удивленно переспросил Кедман.

– Сейчас уточним, – пообещал Шныгин и рывкнул на небесного: – Ты, скотина кривоножая, фильтруй базар, еври бади! Отвечай, свинья инопланетная, что здесь делаешь, или я сейчас твоего скарабыра тебе же и загоню туда, куда он точно не полезет!

Небесный ответил полным молчанием. Он только оторопело смотрел на лица Шныгина и пилота, совершенно не понимая, кто они такие и откуда тут взялись. Люди, в свою очередь, хоть и прекрасно знали, что за гуманоид перед ними находится, но абсолютно не врубались, почему он задает им такие идиотские вопросы. Все-таки об особенностях местного горнодобывающего дела рассказать землянам никто не удосужился.

– Вы кто? – снова повторил небесный, нарушив недолгое обоюдное молчание высоких переговаривающихся сторон.

– Лично я твой персональный ужас, который будет тебя преследовать наяву и во сне, – представился Шныгин и кивнул в сторону пилота. – А это – помощник ужаса, но ничего хорошего это тебе не предвещает, еври бади. Особенно если и дальше будешь задавать вопросы, вместо того чтобы отвечать на наши.

– Все! – вдруг обрадованно рывкнул Николай Мухин. – Я его засек. Смотри, старшина, вон он, ниже нас к астероиду прилепился.

Шныгин посмотрел на экраны в указанном летчиком направлении. И действительно увидел на камне километров десяти в диаметре некую странную конструкцию. В самом низу, у основания астероида, она выглядела, словно усеченный конус. Затем, метрах в трех над поверхностью, превращалась в неправильный диск, ну а венчала эту конструкцию «летающая тарелка», немного похожая на ту, в которой находились земляне, но чуть больших размеров.

– Что это такое? – поинтересовался у пилота старшина и получил вполне емкий, исчерпывающий ответ о том, откуда именно появились сам старшина и его ближайшие родственники.

Затем летчик сообщил всем присутствующим об уровне интеллекта Шныгина и тех существ, которые его породили. После чего захотел было добавить крайне важную для всех интересующихся информацию о том, каким именно местом думает старшина и что именно за субстанция заменяет ему мозги, но последнего сделать просто не успел. Шныгин хоть и долго запрягал, но ехал очень быстро и, не вдаваясь в казуистические откровения, заехал пилоту прямо в ухо. Кто-то сзади хихикнул, а инопланетный собеседник землян, получивший при помощи универсального переводчика весь объем информации, удивленно хрюкнул и спросил у Шныгина, стараясь разглядеть свалившегося с кресла пилота:

– Что сейчас это существо говорило? Из всей его речи я разобрал только название главной планеты этой звездной системы.

– И этого для тебя слишком много! – констатировал старшина. – Спросишь у него самого, когда очнется. А сейчас отвечай, кто ты и что здесь делаешь, иначе я открою огонь.

Несколько секунд небесный колебался. Он уже понял, что данный корабль и его странный экипаж ни к Лоне, ни к космическому патрулю отношения не имеют. Более того, инопланетянин осознал, что до вступления с ним в переговоры странный корабль даже не обнаружил его эллериумодобывающую станцию. Сиди он тихо, может быть, чужаки и пролетели бы мимо. Однако сейчас думать об этом было уже поздно. А судя по тому, как чужеземец обращался с членом своего экипажа, произносившим удивительно музыкальную речь, шутить этот отъевшийся мордovorот был явно не намерен. Поэтому небесный выложил все, что знал, и даже более того.

Информация, полученная от небесного, и удивила, и насторожила, и обрадовала Шныгина. Удивила тем, что старшина узнал о контрабандистах эллериума, являвшихся непримиримыми врагами правительства Лоны. Они, правда, так же душевно относились и к руководству Трунара, но в данный момент последний факт значения не имел. Оба корабля сейчас находились в звездной системе Лоны, а поэтому враг мятежников мог смело считаться другом «икс-ассенизаторов».

Насторожил небесный Шныгина сведениями о самых свежих событиях. По его словам получалось, что в последние несколько дней в данную звездную систему не входили никакие посторонние корабли. Звездолеты мятежников нередко отбывали и прибывали, но вот чужих на Лоне не было. Причем за точность этой информации небесный ручался, поскольку утверждал, что служба связи у контрабандистов самая лучшая во Вселенной.

Если верить этому, получалось, что звездолет с командой Орлова на борту в систему Лоны не прибывал. Вот это и казалось Шныгину странным. Конечно, ученые что-то говорили о невероятных возможностях гиперпространственного координатора, но старшина не помнил того, чтобы упоминались такие действия, как отклонение прибывающего корабля с курса. В принципе, старшина думал, что такое вполне возможно. И в этом случае корабль Орлова сейчас мог находиться где угодно. Например, в самом центре ядра ближайшей звезды.

Ну и последней информацией, которая обрадовала Сергея, были слова небесного о том, что на самой Лоне у контрабандистов есть свои сторонники. Это означало, что нелегалы имеют возможность бывать на поверхности планеты. И хотя сейчас, после введения чрезвычайного положения, делать это стало невероятно трудно и очень опасно, «икс-ассенизаторы» имели шанс добыть необходимые сведения, не поднимая большого шума.

– А почему ты сам не убрался из этой системы, раз тут жареным пахнет? – под конец разговора поинтересовался Шныгин у инопланетянина.

– Выберешься тут! – буркнул небесный. – Правительство Лоны всю мощь своей системы локации задействовало. Стоит мне задницу от астероида оторвать, и меня тут же накроют. Либо патруль, либо гиперпространственная баллистическая ракета. Вы-то сами как сюда пробрались? Что у вас за оборудование такое, почему я вас до сих пор на приборах не вижу? Если бы штурман на экране обзора вас не заметил, я бы и не знал, что кто-то шастает поблизости.

– Думаю, наше оборудование тебя не касается, – отрезал старшина. – Можешь отключиться, но не думай даже дергаться. Размажу по астероиду раньше, чем ты пошевелишься! Жди. Понадобись, блин, на связь вызовем тут же, еври бади. – И когда экран погас, Шныгин повернулся к Саре и Кедману. – И что вы думаете по этому поводу?

– Они совсем ничего не думают. У них в головах пусто, – сообщил старшине Пацук, выбираясь из-за турели. – И знаешь, воно ж как с руководителями операции бывает, когда они совета у идиотов спрашивают? Спрашивают, спрашивают, а потом бац, и возглавляют операцию по мытью посуды в ближайшем дурдоме.

– А ты у нас один только умный? – поинтересовался Шныгин.

– Не-а, – покачал головой Микола. – Еще Ганс есть. Конечно, до меня ему далеко, но кое в чем парень разбирается неплохо. В снайперском оружии, например.

Если бы кто-нибудь знал, как велико было желание Сары выпустить весь заряд огнетушителя в морду Пацука, то поразился бы ее стойкости, выдержке и самообладанию. Штольц не только не окатила украинца пеной с ног до головы, она даже в дискуссию с Миколой вступать не стала, по-прежнему делая вид, что Пацук для нее – не более чем пустое место.

Кедман также обращать внимание на подковырку Миколы не стал, отчего Пацук окончательно расстроился. Ну не любил Микола, когда его хохмочки не находили отклика в душе слушателей. Сейчас бы он даже гопака сплясал и на голове по рубке побродил, если бы это хоть как-то могло изменить положение дел. Однако есаул прекрасно понимал, что Сара и Кедман обратят на него внимание, пожалуй, лишь в том случае, если он решится снять энергоскафандр вместе со штанами. Да и то при условии, что на заднице у него портрет Кучмы окажется. И Микола сдался, решив взамен оправдать весьма спорное утверждение о том, что на всем корабле самым умным является именно он.

Когда наконец есаул перестал блистать остроумием, Шныгин устроил экстренное совещание прямо в рубке. То, о чем говорил контрабандист-небесный, слышали все. И у каждого имелось собственное мнение по поводу дальнейших действий группы. Сара, например, предложила самим на Лону не садиться, а заплатить контрабандисту приемлемую цену и через него получить все данные о положении на планете.

Кедман, напротив, настаивал на посадке и, более того, просто требовал решительных действий по захвату главы мятежников, аргументируя это тем, что переворот на Трунаре «икс-ассенизаторы» уже совершили. А уж с кучкой бандитов на захоластной планете справятся и вовсе без труда. Причем как инопланетянам в общем, так и данному небесному в частности американец не доверял и предлагал не обращать внимания на его слова. Ну а для того, чтобы контрабандисту больше врать неповадно было, требовал разметать его на атомы при помощи плазменных орудий.

Пацук и Зибих проявили завидное единодушие. Оба предлагали совершить скрытную посадку на Лону и провести самостоятельную разведку, поскольку словам небесного тоже не склонны были доверять. Однако использовать его связи на планете оба друга собирались, а для гарантии безопасности предлагали взять небесного с собой на Лону.

Даже Коля Мухин, несчастный и обиженный пилот «летающей тарелки», высказал свое мнение о дальнейшем ходе операции. Поначалу он пожелал всем «икс-ассенизаторам» скорейшей гибели на поганой планетке, но затем передумал и предположил, что посадку на Лону совершить все-таки стоит, но оставлять корабль на поверхности планеты было бы слишком рискованно. Конечно, если «тарелка» будет крутиться на орбите, есть риск, что ее заметят в телескопы или обнаружат патрули, но зато в случае провала корабль легко можно будет посадить в любой точке планеты и мгновенно эвакуировать группу с территории врага.

Шныгин с этим утверждением согласился, как согласился и с тем, что посадка на Лону неизбежна. «Икс-ассенизаторам» требовалась информация, и не только по поводу судьбы пропавшей группы Орлова. Однако самостоятельно разгуживать по планете, даже имея данные об информаторах контрабандиста, было бы слишком рискованно. Поэтому путешествие случайно найденного небесного на Лону было неизбежно. И переговоры об этом следовало начинать как можно быстрее. Некоторые члены группы выразили по поводу такого решения некоторое недовольство, но в целом возражать против плана Шныгина никто не стал. Несколько минут все «икс-ассенизаторы» внимательно и с долей злорадства наблюдали за четырьмя боевыми космолетами пришельцев, бестолково мечущимися в той точке, где недавно из гиперпространства вынырнул звездолет землян, а когда, оставив безуспешные поиски, корабли пришельцев повернули к Лоне, Шныгин вышел на связь с небесным.

– Слушай, орел, тебя как зовут? – пусть и с некоторым запозданием, поинтересовался у инопланетянина старшина.

– Хаарм, – коротко ответил тот.

– В общем, так, Хаарм, нам нужно кое-что обсудить, – заявил старшина. – Готовь стыковочный блок. Сейчас прибудем.

– Отлично! Я бы тоже хотел лично встретиться с вами, – обрадовался небесный. – Кстати, как я понял, вы не в ладах с правительством? Вы, как и мы, оборванцы и отщепенцы?

– Не понял?! – оторопел от такого заявления старшина.

– Ну, то есть правительство хочет все с вас оборвать и отщипнуть вас от общества, заключив под стражу? – предположил Хаарм.

– Что правительство нас как липку обдирает, спору нет. Узнав о том, какая у нас зарплата, ты со смеху умрешь, – прежде чем старшина успел открыть рот, заявил Пацук. – Насчет заключения под стражу я не совсем уверен, но в принципе по-иному наш образ жизни и не назовешь. К тому же и от общества нас давно отщепили, заперев в подземном бункере. До того отщепили, что нормальную бабу в радиусе ста километров найти невозможно! То есть получается, что в общем и целом ты прав. Мы с тобой в некотором роде товарищи по несчастью.

– Господи, почему хохлы всегда считают себя обиженными и оскорбленными? – фыркнул Шныгин и повернулся к монитору. – Так ты готовишь стыковочный модуль или нет, еврибади?!

Пилоту пришлось немного помучиться. Если ему и приходилось до этого с чем-нибудь стыковаться, то это были или столб, или косяк, почему-то оставшиеся не замеченными после бурной попойки. Ну а состыковывать транспортные средства еще не доводилось. Несколько минут он мучился и даже едва не снес космолет контрабандиста с площадки на верхушке шахты, но затем Мухину все же удалось прилепить друг к другу два корабля. Шныгин попытался одобрительно похлопать летчика по плечу, но тот телячьих ласк не принял и в одно мгновение спрятался за панелью управления, отчего ладошка старшины, вдруг встретившая на своем пути пустоту, едва не снесла половину этого самого пульта к чертовой матери. Спасло пульт лишь то, что ефрейтору Зибциху в условиях невесомости не составило труда поймать громоздкого Сергея за пояс.

А затем сразу появился вес. То есть он, конечно, никуда и раньше не исчезал. Просто теперь каждый почувствовал, что он не перышко. И лучше всего это доказала лазерная винтовка, до этого подвергавшаяся чистке Гансом и не успевшая откочевать на оружейную полку. Она вдруг перестала висеть и грохнулась вниз, отбив ефрейтору колено. Тот тихо выругался, однако привлекать излишнее внимание к своей безалаберности не стал. А вот пилот выругался громко. И привлек к себе внимание всех открывающих.

– Елы-палы! Мы же теперь видимые, как пол-литра посреди стола, – пояснил он. – У этого уroda искусственная гравитация работает. «Кожух» теперь не фурычит!

– Слушай, Сергей, может, отстыковаться, пока не поздно? – предложил Ганс. – Вдруг эти чучела нам засаду устроили и сейчас попытаются сдать патрулю?

– Нечего отстыковываться! Возьмем их тепленькими, – раньше, чем Шныгин успел даже подумать, заявила Сара и бросилась к переходному отсеку. А вот тут старшина уже среагировал мгновенно.

– Стоять, сержант! – заорал он так, что Штольц вытянулась в струнку, в одно мгновение повернувшись к Сергею лицом. – Вот так-то лучше. – А затем Сергей посмотрел на остальных. – Если внутри шахтерской станции засада, отработаем по полной программе. А от патруля смыться мы и вовсе всегда успеем. Нам нужен этот небесный и его связи. Однако Ганс прав. Осторожность нам не повредит. Я вхожу первым, а дальше – как отработывали.

Вход группы в помещение, где может оказаться засада, тренировали в спецназе любой страны мира. И «икс-ассенизаторы» особо на нем внимание не заостряли. Во время тренировок на базе они лишь пару раз отработали взаимодействие друг с другом и больше к этому вопросу не возвращались. Но и этого хватило вполне.

Шныгин шел первым. За ним входили Зибцих и Пацук, после чего наступала небольшая пауза. Сара и капрал во время нее держали под прицелом вход и пространство в тылу группы, Ганс оставался около дверей, готовый в любой момент открыть огонь, а Шныгин с есаулом прочесывали помещение, отыскивая все явные и скрытые выходы из него, а также осматривая подозрительные места внутри, за которыми мог бы скрываться противник. При этом они оба находились под постоянным прикрытием ефрейтора и сами прикрывали друг друга, если того требовали обстоятельства.

Так поступили и в этот раз. Старшина, открыв люк в полу «летающей тарелки», внимательно осмотрел переходный отсек, в котором мог уместиться, лишь сложившись вдвое, а затем откупорил вход в корабль небесного. За ним было помещение, почти идентичное пилотской рубке космолета землян. Вниз вела легкая металлическая лестница, а в самом корабле пришельцев, кроме единственной фигуры небесного, скрючившегося в пилотском кресле, никого не наблюдалось.

Сергей спокойно, как к себе домой, спустился вниз. Не успел он ногами коснуться пола, как в «тарелку» инопланетян влез Пацук, а следом за ним и ефрейтор. После чего перемещение «икс-ассенизаторов» из одного корабля в другой временно приостановилось. Старшина неторопливо осмотрелся, а затем позвал небесного, пытаясь привлечь к себе внимание.

Тот не шелохнулся. Зато шелохнулась лесенка, мгновенно уходя вверх, а затем и свет погас в «тарелке» контрабандистов. После этого последовал ментальный удар по тройке бойцов. Но натренированные «икс-ассенизаторы», готовые встретить засаду, показанный доктором Гобе блок поставили заранее. К тому же энергоскафандр немного смягчил удар, да и небесный, наносивший его, видимо, не был большим специалистом или не очень сильно старался, надеясь добиться полнейшего успеха исключительно благодаря внезапности.

Контрабандистов было пятеро. К собственному несчастью, эти инопланетяне были вполне теплокровными, а инфракрасное видение шлемов у наших героев сработало автоматически. Именно поэтому внезапная атака контрабандистов на «икс-ассенизаторов» полностью провалилась.

– Не стрелять! – коротко скомандовал старшина и залепил подошвой ботинка в корпус мурланта, даже не догадывавшегося, что противник его давно и прекрасно видит. Мурлант, как-то странно хрюкнув, отлетел к противоположной стене, сложившись по дороге вдвое.

Зибцих в это время просто сделал шаг назад, и мурлант с толпотоидом, бежавшие к нему с двух сторон, просто врезались друг в друга. А Пацук уложил одного ударом приклада в голову. Второго толпотоида он швырнул через бедро и развернулся в поисках новых врагов, но таковых уже не было. Шныгин помог Гансу успокоить двух неуклюжих спринтеров и скомандовал в микрофон:

– Слон и Рысь, не двигаться. Пока будем разбираться сами, – а затем Сергей срезал лазером ножки кресла, в котором корчилась фигура небесного, оказавшаяся обычным манекеном. – Эй, мурло инопланетное, блин, выходи. Базар есть. Иначе сейчас мы в твоём корабле немного приборы управления подправим лазерами, чтобы они тебе более точную информацию, еври бади, выдавали.

– Ладно, ладно! Выхожу, – завопил откуда-то небесный. – Только не стреляйте. Я с самого начала чувствовал, что нападение на вас не получится, но попробовать все-таки стоило.

– И зачем мы тебе понадобились? Корабль наш захватить хотел? – поинтересовался старшина у небесного, когда тот вышел из боковой комнаты и включил в рубке освещение.

Шныгин и говорил совершенно спокойно, и стоял в расслабленной позе. Но эта была лишь маска. Тот, кто купился бы на такое проявление спокойствия и решился бы напасть в этот момент на старшину, в лучшем случае был бы неприятно удивлен. В худшем – еще менее приятно покалечен. Шныгин был готов к любым поворотам событий. Впрочем, как и есаул с Зибцихом, застывшие у старшины за плечами. Атаковать сейчас эту троицу мог бы только

сумасшедший. Но небесный таковым не являлся. Он спокойно прошел через рубку, неодобрительно покосился на поверженных землянами подчиненных и, горестно вздохнув над изуродованным пилотским креслом, сел в соседнее.

– Ну, чужаки, даете! Весь мой экипаж за семь секунд положили, – хмыкнул небесный и лишь затем ответил на вопрос старшины: – Не столько корабль хотелось захватить, сколько оборудование, делавшее его невидимым. Честно говоря, мне до смерти надоело торчать в этой системе. Хочется слетать куда-нибудь развеяться. Да и клиенты ждут. Если еще пару дней я не появлюсь в местах встречи, провалится весь мой бизнес. В общем, ваше оборудование мне бы очень пригодилося.

– Что же, ты поможешь нам, мы поможем тебе, – предложил старшина. – А сейчас повернись к нам лицом и держи свои руки так, чтобы я их видел...

Глава 4

Астероид. Без имени, фамилии и отчества. Год тот же – самый инопланетный. Рудодобывающая станция контрабандистов. Пока! Время астрономическое. Минуты и секунды исчисляются по склонению звезд. А звезды, как известно, ни к чему не склоняются. Разве что к коллапсированию.

Внутри владение контрабандиста-небесного, именуемого подчиненными Хозяин, властями Лоны – Преступник, а всеми остальными – Хаарм, было довольно тесным, слишком пыльным и вообще не очень опрятным. Больше всего это раздражало Зибциха, и ефрейтор пару раз еле сдержал в себе желание взять хозяина станции за воротник и провезти его мордой по всей той грязи, что царила в каютах. Остальные внимания на мусор не обращали. И лишь Сара Штольц брезгливо морщила носик, когда по невнимательности наступала ногой на кучу отбросов. Впрочем, за стеклом гермошлема этих гримас никто не видел.

Кстати, Хаарм несколько раз предлагал землянам гермошлемы снять. Те, помня коварство инопланетянина, делать это категорически отказывались, заставляя небесного разочарованно вздыхать. Впрочем, вздохи эти ни на кого не действовали. А Кедману и Пацуку, оставшимся в рубке корабля Хаарма для охраны входа в свою «летающую тарелку», они были и вовсе не слышны.

– Вот здесь мы и добываем элериум, – не без гордости сообщил Хаарм. Земляне, спустившись по очередной лесенке, оказались в куполообразном помещении, выдолбленном внутри астероида. – За сутки получаем от килограмма до трех.

– Так мало? – удивился старшина.

– Ну конечно, с рудодобывающей компанией на Лоне мне не сравниться, но и то, что есть, уже хорошо, – немного обиженным голосом ответил Хаарм. – Вон у Леерда и полтора килограмма за сутки уже удача!

– А как же вы элериум продаете? – встряла в разговор Сара. – Ведь, насколько я понимаю, добытая правительством руда стоит намного дешевле.

– А вы думаете, такой вот, как я, оборванец и отщепенец придет на правительственный склад и попросит продать ему элериум? – ехидно поинтересовался в ответ небесный и сам себе ответил: – Не-ет! Он придет ко мне, или к Леерду, или еще к кому-нибудь. Уж у нас ему отказа не будет, конечно, если договоримся о цене.

– А если он у тебя элериум силой забрать захочет? – спросил Шныгин.

– А тебе зачем это знать? – подозрительно посмотрел на него небесный и сунул правую руку под плащ.

– Да не бойся ты. Солдат ребенка не обидит, еври бади! – Старшина хлопнул высокого, но шуплого инопланетянина по плечу так, что тот едва не рухнул на пол. – Мне твой элериум на хрен не нужен. Это так, чисто профессиональное любопытство.

– Автоматические бластерные пушки снаружи. Если вдруг грабителю удастся их миновать или он заявится сюда под видом покупателя, я ментальным приказом активизирую массу ловушек внутри, – неохотно ответил Хаарм. – Ну а если вам удастся убить меня, ловушки включатся самостоятельно, получив приказ от датчиков моей жизнедеятельности. Кстати, в этом случае у моих наследников остается лишь тридцать секунд на то, чтобы отключить систему защиты. Затем взрыв антивещества разнесет в клочья и станцию, и астероид, на котором она находится. Все просто. Поэтому никто и не пытается нас убить. Ну а если бы мне еще ваш прибор, делающий корабль невидимым, – мечтательно вздохнул небесный, – я бы первый мил-

лион уже через месяц заработал. А через пару лет и собственную колонию на какой-нибудь планетке вроде Земли организовал...

– Я тебе организую, – погрозил старшина инопланетянину кулаком. – Покажи нам лучше этот элериум. А то я его еще ни разу в руках не держал.

Элериум оказался кристаллами серебристо-стального цвета размером с лесной орех. На огромной лапе Шныгина, закованной в броню энергоскафандра, они смотрелись и вовсе недозрелым горохом или шариками из шарикоподшипника и совершенно никакого уважения к себе не вызывали. Хотя и стоил бы на Земле каждый ну никак не меньше новенького «Мерседеса». А то и двух... Нет! Один кристалл бы, наверное, потянул и на три «Мерседеса»... Ну, это для тех, кто знал, на фига вообще этот элериум нужен и как его можно использовать. А тут, можно сказать, такая ценность и под ногами валяется. Как мусор какой-то!

Шныгин порадовался тому, что не взял с собой Пацука на экскурсию, а то пришлось бы потом того с микроскопом проверять, разыскивая по потайным местам униформы экспроприированные полезные ископаемые. На всякий случай старшина покосился на Сару Штольц и Ганса. Однако ни тот, ни другая особого интереса к элериуму не проявили. Более того, Сергею показалось, что оба его товарища по героическому отряду откровенно скучают. Хреновая, значит, образовательная экскурсия получилась!

– А сколько они в пересчете на наши деньги будут стоить? – попытался поддержать угасающий интерес бойцов к элериуму старшина.

– Ваши деньги? Разве у вас есть деньги? – удивился небесный и тут же хлопнул себя ладонью по капюшону в том месте, где, наверное, у него находился лоб. Хотя кто знает, по каким местам себя инопланетяне обычно шлепают?

– А, ну да. Деньги у вас, конечно же, должны быть, – задумчиво ответил он сам себе. – Вот только курс ваших денег по отношению к нашей единой валюте мне неизвестен. Кстати, а как обстоит у вас дело с поставками элериума? Вы получаете этот энергоноситель от правительства или добываете сами? Может быть, нам стоит обсудить этот вопрос за чашечкой скуубы?..

– Ты все эти вопросы будешь обсуждать с нашим командиром. Если он захочет, конечно, – отрезал старшина. – Да, и не вздумай толковать об энергоносителях с самым низкорослым членом моей команды, – и перехватил взгляд Хаарма, устремленный на Сару. – Да не с этой. Это женщина. С Пацуком. Я его на охране переходного отсека оставил.

– А почему с ним нельзя говорить об этом? – удивленно поинтересовался небесный.

– А ему все детство энергоносителями испортили. Он теперь нервный. Услышит что-нибудь о них, блин, и убить любого может, еври бади! – пояснил старшина, а себе под нос пробормотал, выключив радиосвязь, естественно: – Хохлам только об элериуме еще никто ничего не рассказывал. Они нам за газ до сих пор долги не выплатили, а узнают о новом энергоносителе, так и вовсе платить откажутся.

Естественно, эту реплику старшины никто не услышал. За исключением Сары. В тесном помещении тамбура шахты она стояла слишком близко к нему, и даже гермошлем не помешал девушке разобрать слова Сергея. После чего Штольц как-то излишне задумчиво посмотрела на Шныгина. Оценила стратегический талант нового командира, что ли?..

Старшина, впрочем, пристального внимания к своей персоне со стороны Сары Штольц не заметил. Как, впрочем, не знал, что внутри его десантской черепашки могут присутствовать даже зачатки какого-нибудь стратегического таланта. Конечно, Сергей дураком не был, но, к своему глубочайшему несчастью, знал о стратегии только то, что она чем-то отличается от тактики и в ней ни комбат, ни сам министр обороны ни хрена не разбираются. Со слов ротного, конечно. Игорь Сергеевич о словах ротного не знал. Не знал он и о том, что думает Шныгин. О нем самом, о ротном в частности и обо всех начальниках в целом. Поэтому и ротный, и старшина остались без взысканий.

Да, собственно говоря, ни о министре обороны, ни о ротном Шныгин сейчас не думал. Его больше волновала информация, полученная от Хаарма. Как, впрочем, и всю группу в целом. Этот небесный, видимо, от слишком долгого заточения в обществе полных кретин, которые к тому же от страха не смели ему даже слова сказать, совсем изголодался по цивилизованному общению и болтал без умолку.

Кстати, Хаарм после демонстрации землянам самородного эллериума поначалу пытался общаться с ними на ментальном уровне, телепатически передавая нужные образы, но когда ни один из бойцов не ответил на ментальные фразы, небесный опешил. Хаарм до этого никогда не встречал людей, да и слышал о них в силу своего положения вынужденного отшельника не слишком много. Сначала он решил, что земляне совершенно тупы и неспособны к сколько-нибудь стройным мыслительным процессам. Затем вспомнил, что его ловушку они раскусили легко и даже сами приготовили контрудар. После этого Хаарм подумал о степени защиты, которой обладает корабль землян, и свои мысли о тупости людей выбросил в мусорный отсек головного мозга за полнейшей их ненадобностью.

После такого глубокомысленного открытия небесный решил, что ментально люди не общаются по каким-нибудь религиозным или общественно-политическим соображениям. А когда осознал, что земляне напрочь лишены даже зачатков телепатии, был несказанно удивлен. Он просто не мог понять, как народ без ментальных средств мог достичь такого уровня цивилизации, что летает в космос и создает технику, ему, небесному, даже и не снившуюся. От осознания всей глубины этого противоречия у бывшего трунарского зэка разболелась голова, и он решил, что проще над глобальными идеями не размышлять, а пообщаться с незваными, но приятными гостями при помощи обычных средств. Конечно, говорил Хаарм далеким от литературного трунарского языком, и некоторые фразы универсальный переводчик просто отказывался озвучивать, но в общем и целом речь Хаарма землянам была понятна.

Поначалу небесный слишком далеко углубился в прошлое и стал рассказывать «икс-ассенизаторам» всю историю своей жизни, начиная от горькой юности, лишенной миллионного состояния. Однако бойцы чуть ли не хором эти словоизлияния прервали и потребовали от Хаарма осветить нынешнее положение дел на Лоне. Небесный горестно вздохнул, сожалея о том, что его личные злоключения никого не интересуют, а затем все-таки выполнил пожелание спецназовцев.

За политикой на Лоне и в ее галактических окрестностях Хаарм следил с душевным трепетом, пристальным вниманием и ежедневными мольбами, обращенными к господу-отцу-вседержителю-черт-его-подери и содержащими в себе одну-единственную просьбу: «Господи всемогущий и т. д., сделай так, чтобы все окрестные политики разом сдохли. Хотя бы на пару суток!» И осуждать контрабандиста за эти мольбы ни у кого язык не поворачивался. Во-первых, потому что вокруг него ни любителей политики, ни даже простых человеколюбов никогда не было. А во-вторых, есть ли вообще в просторах необъятной Вселенной хотя бы одно существо, желавшее политикам чего-либо иного? Кроме самих политиков, разумеется.

Впрочем, это лишь лирическое отступление, а дела здешние были весьма плохи. Катаклизм политической системы на Лоне случился не сразу, и перемены в жизни произошли не вдруг. Около трех месяцев назад, почти сразу после переворота на Трунаре, по Лоне поползли странные слухи, леденящие кровь контрабандистов.

Никто и ничего толком не знал, но все упорно твердили, что вскоре что-то произойдет. Что именно, не уточнялось, но каждый из нелегалов знал, что хорошего ждать не приходится. Хорошего вообще в их жизни было крайне мало, а тут еще неизвестные провокаторы стали туманно намекать, что оно теперь закончится вообще, и связывали грядущие напасти и с революцией на главной планете конгломерата, и с темными личностями, появившимися на Лоне.

Сначала это были лишь слухи. Контрабандисты, которые всегда, во все времена, в любых планетарных системах, галактиках и параллельных вселенных, если таковые существуют, обла-

дали отлично налаженной системой информации, начали говорить о странного вида существах, якобы сопровождавших какую-то большую шишку.

Хаарм особого внимания на эти разговоры не обращал, поскольку к любителям зоологии, так же как к почитателям больших шишек, себя отнести не мог. Единственное, что его занимало в то время, была проблема дальнейшей контрабанды эллериума. Ни о чем другом тогда Хаарм и думать не хотел, стараясь собрать максимум информации о том, насколько изменится политика правительства Трунара в отношении к контрабандистам эллериума. Наверное, поэтому и оказался в ловушке.

Гром грянул не сразу. Хаарм, естественно, видел, как в систему звезды под звучным именем Светильник прибывает все меньше и меньше кораблей его коллег. Этот факт должен был бы насторожить небесного, но обуреваемый жадностью Хаарм мгновенно просчитал, насколько возрастет его доля в общем объеме продаж эллериума при отсутствии конкурентов, даже не подумав о причинах, побудивших многих контрабандистов покинуть систему Лоны. Вот и сидел сейчас Хаарм на астероиде и наслаждался гипотетической монополией на контрабанду эллериума, не имея возможности не только продать его, но даже и просто выбраться из этой планетарной системы и раздумывая о том, как он до такой жизни докатился.

Большой шишкой, прибывшей около трех месяцев назад на Лону, был не кто иной, как свергнутый президент трунарского конгломерата планет. Явился на планету он нелегально, укрылся в резиденции одного из местных аристократов и принялся усердно взывать к совести и чести всех небесных во Вселенной, настаивая на бойкоте распоряжений узурпатора.

Руководство Лоны, славившееся на весь конгломерат консерватизмом взглядов, мгновенно поддержало воззвание свергнутого президента и тайно начало готовиться к объявлению независимости. На планету стали в массовом количестве прибывать транспортные корабли со всевозможными стратегическими грузами, а следом за ними на Лону опускались и пассажирские звездолеты. Но существ, которых они привозили, не видел никто. Конечно, каждый понимал, что с пассажирскими кораблями на планету прибывают войска, но их численность и структура оставались засекреченными.

Позже, когда Хаарму удалось связаться с одним из своих информаторов на Лоне, тот сообщил, что войска состоят из существ, абсолютно не похожих ни на одну расу конгломерата планет. Как выглядят эти вояки, информатор не знал. Единственным, что ему стало известно со слов мусорщика, обслуживающего казармы нового воинства, было то, что новые солдаты жутко орут, воняют, как общественный сортир в жаркий полдень, и постоянно занимаются муштрой. Все это Хаарм и рассказал «икс-ассенизаторам». Шныгин с Пацуком переглянулись.

– Похоже, блин, это те самые плоды генетических экспериментов, – проговорил старшина. – Уже плюс. Уверен, что одну часть задания мы выполним. Что скажете?

Реакция сослуживцев Шныгина была самой разнообразной. Хотя, в общем и целом, вполне удовлетворительной. Пацук хмыкнул. Дескать, он в этом никогда и не сомневался. Кедман показал Сергею сложенные в кружок указательный и большой пальцы правой руки – надеюсь, никому, кроме Хаарма, этот жест объяснять не нужно? – а Зибцих просто кивнул головой. Хотя, если честно, этот кивок немецкого ефрейтора больше был похож на желание самоубийцы пристроить поудобнее веревку на шее для более комфортного прохождения акта суицида, чем на знак согласия. И лишь Сара Штольц, крайне загадочная в последнее время, пожала плечами, предлагая не говорить «гоп», пока шкуру неубитого медведя бабушка надвое не поделила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.